

Священник
Михаил Воробьев

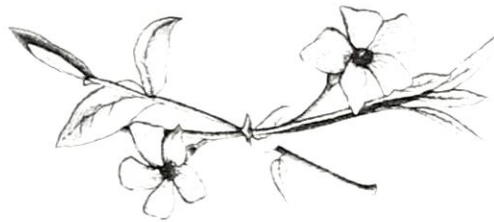
ХВОЛЬСКИЕ РАДМЫ И ИХ СТРОИТЕЛИ

ОБ

БЗ.З(2)
ВУС

Священник
Михаил Воробьев

ХВОЛЬСКИЕ РАДЫ И ИХ СТРОИТЕЛИ

†
125420 - 1

МАУК "Межпоселенческая
центральная библиотека
Балаковского муниципального района"

ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ

«Эль-Принт»
САРАТОВ
2008

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
ЦГБ

© Воробьев Михаил, священник
(текст и иллюстрации), 2008
© Полиграфическая компания «Эль-Принт»
(оформление), 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Величественные и скромные, вместительные и небольшие, соборные, приходские, кладбищенские, домовые — православные храмы украшали Вольск на протяжении столетий. Безжалостно разрушенные правителями, не желавшими помнить своего родства, они были не только «культурными сооружениями», но, в первую очередь, воплощением живой веры тех, кто их строил, и тех, кто в них молился.

Река времен беспощадно и преждевременно унесла не только редкие по красоте памятники архитектуры, но и память о тех замечательных жителях нашего города, которые их строили. И не из-за того, что хотели прославиться или отмолить грехи, а главным образом из желания культурно и духовно украсить родной Вольск, сделать его уютнее и привлекательнее, оставить напоминание о том, что не одним только земным хлебом жива человеческая душа.

Город Вольск и теперь привлекает к себе многих, кто, родившись здесь, всю свою жизнь провел в других местах. Когда возраст напоминает о желанности покоя, непреодолимая сила начинает тянуть туда, где прошло детство. Строители вольских храмов часто жили далеко от своей малой родины. Василий Алексеевич Злобин снимал огромный дом в столице Российской Империи. Сапожниковы обосновались в Астрахани. Расторгуевы — на Урале. Но Вольск не уходил из их жизни, настойчиво звал к себе, встал в сердце неистребимыми корнями памяти.

Особая благодатность вольских храмов происходила из добрых чувств, с которыми они строились. Великодушие русского купечества, душевная щедрость, сострадательность, свободное отношение к богатству, которое воспринималось не иначе, как нжитое милостью Божией, превращали каждое строительство в радостное дело исполнения заповеди любви к Богу и ближнему. Вольские храмостроители как никто другой знали цену прочувствованным словам Державина:

*Почувствовать добра приятство,
Такое в жизни есть богатство,
Какого Крез не собирал...*

Предлагаемая читателю книга о вольских храмах и их строителях появилась из материалов, которые были собраны автором для занятий с учащимися школ города. Ощутить причастность к истории страны можно только на основании любви к собственной истории: истории своей семьи, края, где родился и вырос. Отвлеченные призывы любить свою Родину наполняются смыслом, когда школьник начинает чувствовать связь с предшествующими поколениями, которые Отечество любили не словом, а делом, конкретным и нужным делом храмового строительства.

В своей работе автор стремился показать преемственность традиции строительства церквей, которая не пресекалась до самого своего насильственного уничтожения в годы революции. Два поколения Злобиных и три поколения Сапожниковых предстают на страницах книги активными деятелями на этом традиционном для отечественного бизнеса поприще.

На протяжении многих лет, когда писалась книга, автор ощущал доброжелательную и деятельную помощь многих людей, неравнодушных к судьбе отечественной культуры. Это, прежде всего, старейший саратовский архивист О. К. Пудовочкина, работники Вольского и Пугачевского филиалов Государственного архива Саратовской области, заведующая ВФГАСО Л. С. Гуцихина, директор Пугачевского Краеведческого музея Н. С. Ибрагимова, сотрудники Вольского Краеведческого музея Л. А. Леончик, Н. Н. Березина, Л. Б. Невская, С. В. Маркушина, Г. А. Осипова.». Большую помощь в отыскании труднодоступных материалов о Злобиных и Сапожниковых автор получил от астраханского краеведа А. С. Маркова и искусствоведа из Приморско-Ахтарска А. П. Банникова. За терпеливую и доброжелательную помощь автор бесконечно благодарен сотрудникам Российской Национальной Библиотеки О. Либовой и А. В. Вознесенскому, а также сотруднице библиотеки Санкт-Петербургского Государственного Университета Т. А. Ковалевой. Столь же старательно и самоотверженно автору помогали работники Центральной библиотечной системы г. Вольска Л. Л. Польшина, Г. Б. Мигунова, Л. В. Лимова.

Всем этим достойным представителям не погибшей российской интеллигенции, а также многочисленным прихожанам всех вольских храмов, автор выражает глубокую и искреннюю благодарность.

ОТ МАЛЫКОВКИ К ВОЛЬСКУ. ИСТОРИЯ ВАСИЛИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ЗЛОБИНА

Восемнадцатый век встряхнул Россию с силой, которая никогда больше не позволила стране погрузиться в средневековую спячку. Дух времени, создававший города, развивавший промышленность и науку, явивший миру невиданные доселе примеры авантюризма, коснулся этой своей стороной и Вольска. Город, бывший до революции 1917 г. одним из красивейших уголков Поволжья, необщим выражением своего лица обязан одному из смелых финансовых предприятий своего времени. Эпоха первоначального накопления капитала в нашем городке началась, по сути дела, с финансовой пирамиды.

Именитый гражданин Вольска Василий Алексеевич Злобин, бывший едва ли не самым известным и богатым откупщиком своего времени, сделал имя своего города известным по всей России.

Родился Василий Злобин в 1759 г.¹ в семье волостного писаря — беспутного и нетрезвого крестьянина села Воскресенское Алексея Никифоровича Половника, прозванного за буйство своего характера Злобиным.

Не унаследовав от отца, по счастью, губительного пристрастия к горячительным напиткам, Василий Злобин поначалу добывал пропитание пастушеским трудом, а затем, овладев ремеслом отца, работал писарем в Барановской волости и в волостной избе Малыковской слободы. Не в пример отцу, Василий обладал нравом мягким и кротким, был услужлив в обращении к старшим, обходителен со всеми. В 1780 году волостное начальство просватало его за дочь зажиточного торговца Пелагию Волковойнову. Вот как пишет об этом первый историк Саратовского края Андрей Филиппович Леопольдов: «Время шло, и Василий дождал до поры жениха. Члены Приказа приискивали ему невесту, с этой мыслью они обратились к зажиточному односельцу своему Михаилу Кузьмичу Кузьмину (в последствии времени купец Волковойнов). Богач не соглашался, говоря: не пара дочь моя Злобину, заике, хотя и не дурному. Отдай, Кузьмич, отдай, говорили старики, выведем парня в люди: он не мот и не пьяница. Кузьмич согласился на усиленную просьбу стариков».²

Случай, явившийся в лице генерал-прокурора князя Александра Алексеевича Вяземского, помог Василию Злобину завести самые полезные связи в столи-

¹ Обывательская книга Волгска, составленная в 1786 г., указывает возраст Василия Злобина в 27 лет. Вольский филиал Государственного архива Саратовской области (далее — ВФГАСО). Ф. ОДФ-1. Ед. хр. 1. Л. 331.

² Леопольдов А. Ф. Исторический очерк Саратовского края. М. Тип. С. Селивиновского. 1848. С. 143.

це. В Малыковке князь оказался проездом в свое имение Царевщину. Догадливый писарь подбил членов волостной избы поднести Вяземскому живого осетра и удивил его размерами царской рыбы, в изобилии водившейся в волжских водах. За обедом, к которому с аристократической ласковостью были приглашены дарители осетра, зашел разговор о выборе земли, которой императрица Екатерина II пожаловала генерал-губернатора. Злобин предложил взять находящуюся среди немереных заволжских земель в 29 верстах от Малыковки неизвестно кому принадлежащую деревню Маянгу и угодил князю.

Александр Алексеевич пригласил Злобина в Петербург и сделал его своим компаньоном в различных откупках, суливших неслыханные барыши. Как сообщает биограф Злобина протоиерей В. Г. Еланский, произошло это возвышение в откупках не сразу: Первоначально Василий Алексеевич устраивал дела князя Вяземского в его Царевщинском имении, где построил экспериментальный винокурный завод.³

В 1780 году в связи с образованием Саратовского наместничества Малыковка указом императрицы вместе с другими четырьмя селами была обращена в город Волгск. Безнадзорные дворцовые и экономические крестьяне Малыковки были почислены в мещане. Первым городским головой Волгска в течение трех лет был Иван Вавилович Расторгуев. В 1784 году граждане Волгска едва ли не единогласно выбрали городским головой Злобина, которому не было еще и 25 лет. В течении первого трехлетнего срока энергичный градоначальник разработал подробный план строительства города, который в 1773 году, во время пугачевщины, сгорел почти до пустоты. Злобин избирается городским головой и на второе трехлетие, но на следующих выборах в 1790 году отказывается баллотироваться из-за того, что принимает решение окончательно перебраться под крыло Вяземского в Петербург. В 1789 г. Вяземский был разбит параличом и до своей кончины в 1796 г. уже не мог обходиться без Злобина.

Жалованной грамотой городам 1785 г. Екатерина II образовала в среде городских обывателей особое сословие именитых граждан. Они были свободны от телесного наказания; им дозволялось иметь сады, загородные дворы, ездить в карете парюю и четвернею; разрешалось создавать и содержать фабрики, заводы, приобретать морские и речные суда.

В 1792 г. благодарные жители Волгска за безупречную службу на выборной должности удостоивают Злобина этим почетным званием, которое он считал самым большим утешением жизни. Высочайшим Указом от 1 января 1807 г. право именоваться именитыми гражданами было предоставлено только художникам и ученым и было отнято у представителей купечества. Для Василия Алексеевича это была очень большая потеря. На склоне своих дней, уже совершенно разорившийся Злобин отправляет трогательное письмо императору Александру Первому с просьбой сохранить за ним, несмотря на огромные долги его перед казной «только уважаемое в пространнейшей России имя Именитого гражданина» (см. приложение к главе).

³ Еланский В. Г. Вольский именитый гражданин Василий Алексеевич Злобин (Ко дню столетия его посмертного юбилея). Вольск, 1914. С. 7.

Биограф Злобина вольский протоиерей В. Г. Еланский замечает: «Государь, как человек души великой, понял душу гражданина и оставил ему имя его».⁴

Князь А. А. Вяземский слыл у императрицы Екатерины Великой честным и неподкупным человеком. Именно по этой причине был назначен на должность генерал-прокурора в 1764 г., вместо А. И. Глебова, бравшего взятки. В должности генерал-прокурора он состоял без малого в течение тридцати лет, и область его прокурорского надзора постоянно расширялась. Государство, обремененное почти не прекращавшимися войнами, нуждалось в налогах. Наиболее эффективной их формой считались откупа, главным образом, соляные и винные. Купцы, получавшие откупа, имели возможность производить и закупать спиртные напитки на казенных и частных винокуренных заводах, а также продавать их за свою цену (иногда государство устанавливало верхний предел ее) в питейных домах, украсившихся в 1767 году государственными орлами.

Первоначально В. А. Злобин берет откупа на торговлю горячительным питием в трех уездных городах губернии: Новохоперске, Кузнецке и Петровске, затем прибирает к рукам винную торговлю в Царицыне, Камышине и Хвалынске, а по мере возрастания аппетита приобретает винные откупа в Пензенской, Астраханской, Кавказской, Оренбургской, Вятской и Tobольской губерниях, не гнушаясь при этом и Санкт-Петербургом. Стремясь к быстрейшему обороту денежных средств, Злобин обращается к едва зарождающемуся в России игорному бизнесу и получает право на продажу игральных карт по всей Российской империи⁵. Русская художественная литература начала прошлого века дает хорошее представление о прибыльности этого коммерческого предприятия.

Как замечает Еланский: «Злобин выступает самостоятельным откупщиком лишь с 1791 г. и, вероятно, под залоги князя Вяземского; видно также, что кроме кн. Вяземского Злобину оказали крупную поддержку еще действительный камергер кн. П. М. Волконский и подполковник гр. М. И. Девьер. В 1795–1799 г. они поручились за винные откупа Злобина по всем городам Саратовской губ., обеспечив эти откупа свои залогом в 2960 душ крестьян (по 150 руб. за душу) с землями».⁶

О размахе винного производства Злобина дают хорошее представление всего лишь несколько записей в документах Волгского казначейства: «25 июня 1795 г. Указ из Саратовской Казенной палаты Волскому имянитому гражданину Василию Злобину в перевозку в Камышен из питейной откупной четыре тысячи восемь сот девяноста пять рублей ...а всего 5000 рублей з записною в расход и роспискою ево Злобина в книгу».⁷ Для того, чтобы получить такую огромную сумму денег, необходимо было выкурить и продать целое море водки. О цене на «хлебное вино» можно узнать из следующей записи, в которой упоминается один из компаньонов Злобина: «1 февраля 1793 г. Указ из Саратовской Казенной

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Леопольдов А. Ф. Биография волгского именитого гражданина Василия Алексеевича Злобина. Саратов, 1871. С. 17.

⁶ Еланский В. Г. Вольский именитый гражданин Василий Алексеевич Злобин (Ко дню столетия его посмертного юбилея). Вольск, 1914. С. 8.

⁷ ВФГАСО. Ф. Р-15. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 49.

*Василий Алексеевич Злобин.
Неизвестный художник.
Государственный Исторический
Музей. Москва.*

палаты о выдаче гвардии капитану поручику Дмитрию Резанову за доставленную поставку вина в город Волск четыре тысячи триста семьдесят одно ведро на нынешний 793 год с генваря месяца по 795 год по законтрактованной цене денег по одному рублю по одной копейке. За принятыя еще вином бочки по одному рублю по дватцати копеек за каждую».⁸

Разбогатев на винных откупах, Злобин хорошо понимал, насколько пагубным для России становится распространение пьянства. Митрополит Евгений (Болховитинов) в письме к В. И. Македонцу пишет о Злобине: «...много он тут прекрасно рассуждал об оборотах откупа, о стремлении черни к пьянству, о разорении сел и семейств. Хвалился, что у него в деревнях нет кабака и говорил, что если бы истребить и во всех селах кабаки, а оставить

только в городах и продавать по 5 руб. ведро, то ни казна, ни откупщики (разумеется сложность всей России) ничего не потерпят. Он сие доказывал многими пространными и весьма вероятными вычислениями. И села не разорались бы от пьянства. Я удивился обширным сведениям в народосчислении, в продукте всего хлеба в России, в обороте онога на вино, на расходы, на выпуски, в барышах откупщиков и проч. При чине своем он все еще ходит в бороде и русском кафтане, и говорит, что решился до смерти так ходить. Здесь он женил своего сына на англичанке самой бедной, но для него кажущейся лучшей самой богатой. Марионне Стивенс, свояченице Сперанского.»⁹

Другим не менее выгодным источником доходов Злобина стали откупа на соль из Эльтонского озера и других озер в низовьях Волги и ее продажа в двадцати губерниях. Так, в документах Вольского казначейства находим запись: «2 июля 1795 г. Об отпуске Волскому имянитому гражданину Злобину для доставления камышенских луговых магазинов к казначею Базлевичу на раздачу вощикам за привозимую с Элтонскаго озера соль пять тысяч рублей медною монетою».¹⁰

Кроме этих главных источников дохода Злобин был владельцем множества мельниц, садов, винокуренных заводов, магазинов. В лучшие свои годы Злобин

⁸ Там же. Л. 38.

⁹ «Русский Архив». 1870. № 4, 5.

¹⁰ ВФГАСО. Ф. Р-15. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 49.

получал до полумиллиона ежегодной прибыли и был, без сомнения, одним из богатейших торговых капиталистов.

О размахе деятельности Злобина говорит Указ Саратовского Губернского Правления от 28 ноября 1814 г., касавшийся имущества умершего Злобина, которое должно было отойти в казну в счет оставшихся за Василием Алексеевичем долгов. Читавший этот указ Еланский пишет: «За короткое время он построил в Вольске пять больших каменных двухэтажных домов, два водочных завода с магазинами и домами при них, приобретает дома в Саратове, Рязани, Екатеринбурге. Кроме домов, он в короткое время скупает земли и крестьян (на имя своих друзей дворян — М. В.) в 21 селе и деревнях Саратовской губернии, всего в количестве 4803 душ обоего пола, при этих деревнях строит три водочных завода — Медаевский и два в Нижней Липовке и, сверх того, два завода в Тобольской губернии; отдельно, без крестьян приобретает земли при реке Иргизе Вольского уезда 1533 десятины, при реке Стерхе Хвалынского уезда 2623 дес. 522 саж. И сверх того в 1808 г. особо для его крестьян села Чирчика Кузнецкого уезда по числу душ их намежено в Сердобском уезде 1553 дес. 1830 саж... О мукомольных мельницах, садах, амбарах, магазинах и прочих ему принадлежащих и говорить не приходится: так их было много в разных местах!»¹¹

Возвышение Злобина продолжается до 1813 года. В эти годы он становится одним из самых известных людей Петербурга. Доброта, душевная щедрость, приветливость вместе с роскошными обедами привлекают в его дом толпы гостей. Среди сановников, посещавших обеды Злобина в его роскошном петербургском особняке, нередко можно было увидеть Державина, Кочубея, Козодавлева, Сперанского.

От щедрот Василия Алексеевича питались многие. Сам Гаврила Романович Державин одалживал у Злобина немалые суммы, которые пытался вложить, по его же примеру, в винную торговлю.

Так, 4 июля 1792 года великий русский поэт писал своему управляющему: «...Деньги, которые я занял у Злобина, употребляйте для построения завода, так как я писал прежде, содержите из них особый расход. Вино яицким ли казакам или поверенным Злобина отдавать от тебя будет зависеть, лишь бы выгода в ценах была соблюдена...»¹²

Такие кредиты у Злобина случались часто. 7 марта 1793 г. Державин вновь упоминает его имя в своей деловой переписке: «...А к Василию Алексеевичу в сей же почте писал и еще просил его, чтоб он не оставил вспомоществованием... Я еще теперь никак не могу располагать о заплате долгу.. Василию Алексеевичу..., не имея верной надежды на получение дохода за вино...»¹³

В письме от 26 февраля 1796 г. снова упоминается Злобин: «...посылаю при сем к вам вексель, по которому в Уфе примите 5000 рублей г. Злобина от

¹¹ Еланский В. Г. Вольский именитый гражданин Василий Алексеевич Злобин (Ко дню столетия его посмертного юбилея). Вольск. 1914. С. 9.

¹² Державин Г. Р. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1869. Т. 5. С. 802.

¹³ Там же. С. 809.

*Кружка, пожалованная В. А. Злобину
Императрицей Екатериной II.
Частное собрание.*

поверенного Костромина по посланному при сем приказу. Сии деньги держите на один завод...»¹⁴

Василий Алексеевич оказывал неопытному в винных откупах Державину немалые услуги не только в производстве вина, но и в его продаже, помогая получить гарантированный государственный заказ. Так, в письме к тому же управляющему Перфильеву от 4 ноября 1792 г. Державин ободрительно пишет: «...уже и Уральское войско согласилось брать от нас по 7000 ведер, по старанию В. А. Злобина».¹⁵

Широкая благотворительность открыла Злобину вход в царские покои. Он был отмечен вниманием трех монархов, 18 именных Высочайших повелений отмечали его особые заслуги перед государством. Василий Алексеевич, сохранивший и среди столичной

знати все привычки, поступь, речи и поговорки, одежду и бороду вольского мещанина, удивлял еще и своим полным равнодушием к гонке за орденами и чинами, которой не гнушались и знатнейшие, лучшие люди эпохи. Главное, чем он дорожил, было звание Вольского именитого гражданина и три пожалованных золотых медали. Первая, на Аннинской ленте, была пожалована Екатериной II, другая, на Владимирской — императором Павлом Петровичем, последняя, осыпанная бриллиантами, была пожалована Александром I. На этой самой роскошной медали с бриллиантами по окружности на обороте было выбито: «Вольскому именитому гражданину Злобину за отличное усердие, к пользе короне при питейных откупах оказанное. 1801 год». С этими тремя медалями Злобин изображен на портрете кисти неизвестного художника в Вольской картинной галерее (см. цветную вклейку).

Была у Василия Алексеевича еще одна драгоценная награда — серебряная кружка с надписью: «Вольскому именитому гражданину Василию Злобину. В знак монаршего благоволения, за усердие и труды, обозначенные им по разным делам, ему поручаемым. 1790 год».

Воспитанная в духе немецкой бережливости Екатерина, стремясь быть русской во всем, не скупилась на щедрые подарки всякому, кто имел заслуги как перед государством Российским, так и лично перед императрицей. Вельможам и генералам сотнями дарились деревни вместе с тысячами обитавших в них крестьян. Эти подарки обходились дешевле всего, так как собствен-

¹⁴ Там же. С. 785.

¹⁵ Там же. С. 802.

ностью государства они стали совсем недавно, ранее принадлежа Русской Церкви. Дарились имения, драгоценные перстни, осыпанные бриллиантами табакерки. Немногие высокопоставленные особы, избегавшие повальной моды нюхать табак, награждались серебряными и золотыми кружками, которым в хозяйстве русского человека всегда находилось применение.

Кружка Злобина, в отличие, например, от кружки, пожалованной полководцу Суворову, поражает не столько изысканностью отделки, сколько размером, соответствующим широте души этого по своему великого человека. Величина сосуда хорошо видна на портрете Василия Алексеевича из фондов Государственного Исторического Музея.

Ф. Ф. Вигель, хорошо знавший Злобина, пишет о нем следующее:

«Счастье, ум и смелость сего простого мещанина Саратовской губернии, города Вольска, способствовали ему сделаться в своем роде знаменитым: он сам рассчитывал, что имеет барыша по тысяче рублей в день, сумма в тогдашнее время необъятная. Старик Злобин был тип наших православных мужичков, то есть человек и добрый и хитрый; он сохранил и поступь, и речи, и поговорки своего первобытного состояния, одним словом, все, даже одежду и бороду. Этим самым отличился он от братии своей, откупщиков, и, как говорится ныне, создал себе позицию в свете.

Никогда не хотел он чинов, когда все за ними гонялись, и довольствовался званием именитого гражданина. Золотые медали на шее давались тогда купцам еще гораздо реже, чем кресты чиновникам; их-то он и желал, и один только (полно, не первый ли?) получил таковую с алмазами. В богатом русском кафтане своем он не оставлял по большим праздникам всегда являться во дворце, и не было в Петербурге ни одного человека, который бы не знал его.

С боярами, с случайными людьми употреблял он необыкновенную уловку: с видом простодушным, откровенным, в смелых будто выражениях умел он всегда льстить их самолюбию, часто угасчивал их у себя и заставлял думать, что он с ними на приятельской самой короткой ноге. Чтобы поддержать сие мнение, брался он за всех хлопотать и многочисленным клиентам своим когда выпрашивал, когда вымаливал, когда вымучивал милости, по большей части не весьма важные. Великое достоинство бородатого мецената состояло в том, что с молящими его о помощи обходился он дружески ласково, совсем не покровительственно, что в купце было бы несносно: вообще и тогда богатству кланялись, но только с условием, чтоб и оно откланивалось...

В нем было видно и чувство: полжизни проведя в Петербурге, он себя и других хотел уверить, что остается в нем только для приведения дел своих к окончанию; и действительно, ни дома, ни дачи не хотел в нем купить. Построенные им заочно каменные палаты в Вольске, разведенные без него сады беспрестанно украшал он, посылая ежегодно разные драгоценности из столицы, где жил он, как на ночлеге. При имени родины его, в которой надеялся провести остаток жизни, навертывались у него иногда слезы.

Однако же ночлег его был нанятый трехэтажный дом, который хотел он также сколько-нибудь поукрасить: кто-то накупил ему картин, мебели и бронзо-

вых вещей и всем этим без вкуса и порядка завешал стены, загородил комнаты».¹⁶

Блестящий петербургский период жизни Злобина порождает предание о том, что восхищенная Злобиным Екатерина имела желание назвать его родной город Злобинском, на что благородный откупщик отказался и предложил в свою очередь назвать теперь уже благоукрашенную Малыковку Екатериновольском. Это предание, приводимое издателем Державина академиком Я. П. Гротом¹⁷, вряд ли достоверно — возвышение Злобина только начинается при жизни Екатерины. Однако это же предание приводит А. Ф. Леопольдов, ссылаясь на то, что оно сделалось ему известным «из официальной переписки».¹⁸

Богатство Злобина обеспечивало ему пышный прием в домах самых высокопоставленных лиц. Ф. Ф. Вигель вспоминает:

«Во время наших сборов явился в Пензе умный, богатый и брадатый Василий Алексеевич Злобин, на обратном пути в Петербург из Вольска и Саратова. Мне теперь совестно вспомнить, как тогда за ним ухаживали: лучшего приема нельзя было бы сделать вельможе; все чиновники ходили к нему являться, и у губернатора обедал он всякий день, занимая, как приезжий гость, первое место. После того, кажется, трудно новые поколения слишком упрекать в поклонении золу. Однако же не мне осуждать почести, оказанные Злобину: он в это время самым любезным образом вызвался сделать мне великое одолжение. Привыкнув к неге, он ехал один в просторной четвероместной карете; я захворал, и он предложил мне половину оной, с обещанием дорогой оберегать меня. Наши две зимние кибитки, моя и Загоскина, примкнули к его поезду, и мы 4 ноября отправились в путь.

Старики прежде неохотно входили в суждения с молодежью, и я Злобина знал только поверхностно; но тут, запершись в карете, в беспрестанных с ним разговорах, узнал я, сколько, без всякого учения, в простом русском человеке может быть природного ума: в каждом слове сколько толку, какой великий смысл! Иногда он меня ими ужасал. Порабощение у нас никогда до того не простиралось, чтобы, как у невольников Древнего мира и Нового Света, оно у крепостных наших отнимало даже время на размышление, а опасение проговориться заставляло их быть осторожными в речах и кроткими в выражениях. Из того произошли миллионы поговорок и пословиц, составляющих народную мудрость, которая, из рода в род переходя, как умственное наследство, все более обогащается новыми мыслями. В этом, мне кажется, ни один народ в мире не может сравниться с нашим».¹⁹

¹⁶ Вигель Ф. Ф. Воспоминания. М., 1866. Ч. 2. С. 21.

¹⁷ Державин Г. Р. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1865. Т. 3. С. 445.

¹⁸ Леопольдов А. Ф. Биография волгского именитого гражданина Василия Алексеевича Злобина. Саратов, 1871. С. 9–10.

¹⁹ Вигель Ф. Ф. Воспоминания. М., 1866. Ч. 2. С. 63.

Широкая деятельность по откупам требовала обширных кредитов. Известно, что во все времена самым неисчерпаемым и в то же время самым снисходительным кредитором была казна. Она охотно раскрывала перед напористым Злобиным свое лоно, но требовала залогов. Такими залогами стали дома, построенные Василием Алексеевичем и его компаньонами в Вольске.

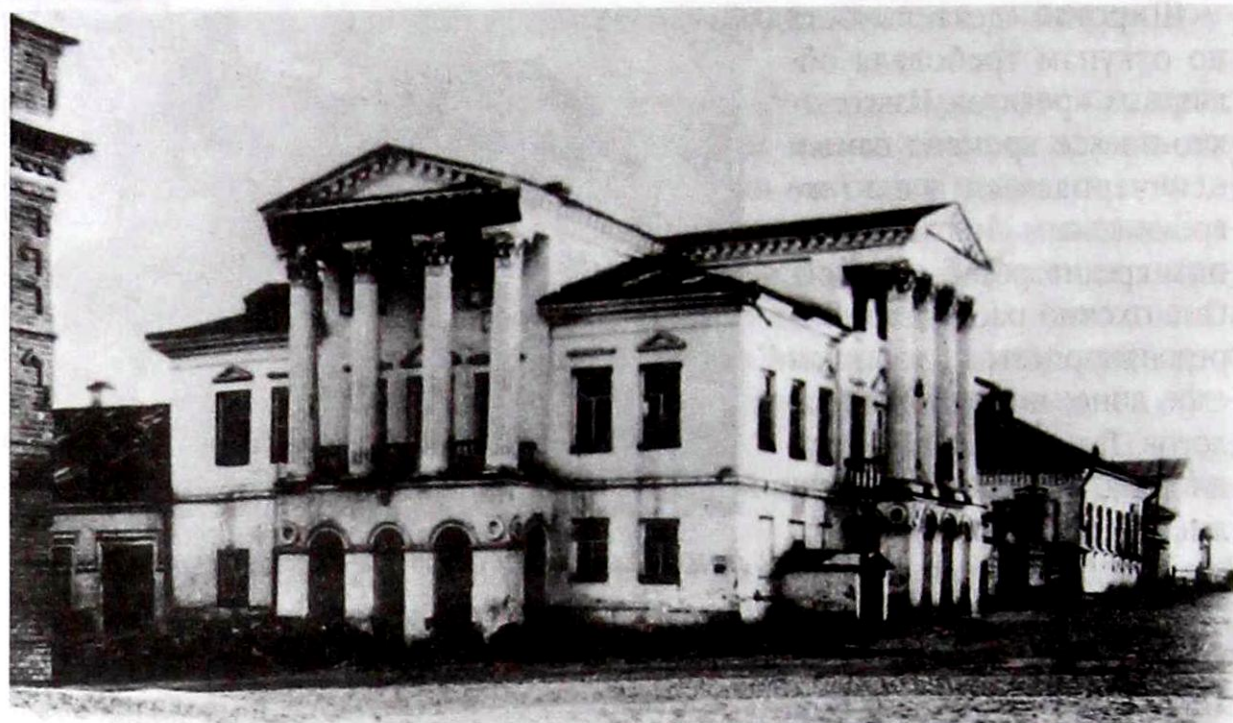
Дом В. А. Злобина в Вольске (не сохранился).

В удивительно короткое время с 1800 по 1813 год в Вольске, толком не отстроившемся после пожара 1773 года, было сооружено до ста каменных домов, причем примерно половина из них — превосходные особняки, настоящие жемчужины русского архитектурного классицизма с коринфскими или ионийскими ордерами. Протоиерей Василий Еланский отмечает, что к 1914 году из этой полусотни домов сохранилось не более одиннадцати. Мы видим перед собой и того меньше. В настоящее время лишь Гостиный двор может достоверно считаться зданием, построенным самим Злобиным. В сильно перестроенном виде сохранилось здание, в котором первоначально помещалось Вольское духовное училище, открытое в 1847 году.

Вольскъ. Гостиный дворъ.

Гостинный двор в Вольске

Здание Вольского духовного училища²⁰

Первоначально братья Иван и Василий Злобины проживали в небольшой избе на берегу Малыковки. После смерти Ивана Василий Алексеевич построил на этом же месте просторный деревянный дом. Этот дом стоял, как пишет А. Ф. Леопольдов, у ограды Единоверческой церкви еще в 1848 г.²¹ Впоследствии на городской земле, занятой выгонами для скота, он выстроил усадьбу, состоящую из нескольких каменных и деревянных зданий. «Посреди этих домов выстроен был огромный деревянный дом (с потаенною старообрядческою церковью для жены), в котором жил сам с семейством, а в каменных помещались агенты и прислуга. Вокруг домов вырыты были пруды и наполнялись чистою родниковою водою; недалеко протекала река Малыковка. Рядом с домами разведен обширный и богатый фруктовый сад с парниками и теплицами».²²

Главная заслуга Василия Алексеевича состоит в его безупречном художественном вкусе. Неизвестный архитектор, работавший у Злобина, создал в Вольске целое направление, определившее развитие и архитектурную цельность города на сто лет вперед. Злобину подражали зависимые от него капиталисты. Дома Мясникова, Мельникова, Брюханова, чудом сохранившиеся донныне, свидетельствуют, насколько оправданным оказалось это подражание.

²⁰ Вольский краевед М. Шмукер считает, что здание Духовного училища принадлежало купцу Григорию Суэтину, осужденному в ссылку за участие в присоединении к старообрядчеству Боснийского митрополита Амвросия в 1846 г.

²¹ Леопольдов А. Ф. Биография волгского именитого гражданина Василия Алексеевича Злобина. Саратов, 1871. С. 38.

²² Там же. С. 16–17.

Здание Вольского духовного училища (современный вид)

Именно в это время в Вольске складывается особый тип городской усадьбы. Главный дом почти всегда с колоннами, фасадом, выходящим на улицу, почти всегда с мезонином. Под домом обязательные подвалы-кладовые. Рядом флигель, соединенный с домом каменными воротами с двумя калитками. За домом — парадный двор, затем двор хозяйственный с конюшней, каретным сараем, погребами, рыбным садком. При доме обязательный плодовый сад, иногда оранжерея.

Недоброжелатели Злобина говорили впоследствии, что главной целью его строительства была финансовая афера. Вольский магистрат и присяжные ценовщики, избираемые из вольских же граждан, очарованные Злобиным, оценивали его постройки «по весьма величественной оценке». После разорения Злобина оказалось, что реальная стоимость его недвижимости составляет не более 10% залоговой оценки.

Очевидно, что такое обширное строительство не под силу было одному Злобину. Действительно, он был вынужден заимствовать средства у других. К их числу первоначально принадлежали сам А. А. Вяземский, камергер П. М. Волконский, граф М. П. Девьер. Рассказывают, что Злобин в один из своих приездов в Вольск собрал вольских граждан и сказал им: «Я зажег вам костер — грейтесь у него, пока он пылает, но не рушьте его: щепки одной не троньте с него, иначе он погаснет; тогда и мне и вам жутко будет.» Щепки бросились подкладывать вольские сограждане Сапожников, Епифанов, братья Корсаковы, Расторгуев, Волковойнов, Брюханов, Мясников. Финансовая пирамида строилась известным уже способом казенного залога построенных домовладений. Казна дремала, Волгск превращался в уголок Петербурга. Наживались неплохо, так как Злобин

платил каждому домовладельцу 5% от суммы казенной оценки здания. Залоговая цена всегда было намного больше реальной стоимости.

Пророчество Злобина исполнилось. Главной причиной его банкротства называют нечистоплотность его компаньонов. Так, например, Лев Расторгуев, сын первого городского головы Волгска Ивана Расторгуева, получив от Василия Алексеевича полмиллиона рублей на покупку железных рудников на Урале, старательно выполнил поручение, присовокупив к рудникам медеплавильный заводик, но купчую совершил на свое имя. Узнав об этом, Злобин будто бы покотил жулика палкой, сказав при этом философически: «Хорошо, что купил еще, а мог бы и промотать».

Льву Ивановичу Расторгуеву учение палкой на пользу не пошло, и он кроме своего покровителя впоследствии надул и вольских граждан, обещав построить вместо деревянного чугунный мост рядом со своей Львовской старообрядческой часовней. Мост построен не был, но плату за него Расторгуев все же получил, и немалую — 59 десятин превосходного дубового леса, остатки которого до сего дня именуются Львовой Рощей...»²³

На денежных неудачах Злобина сказалось и нерасположение к Василию Алексеевичу графа Гурьева, сменившего Кочубея на посту министра финансов. Большие убытки потерпел Злобин во время войны 1812 года, когда были введены правительственные ограничения на продажу вина.

Но главная причина, вероятно, все же не в этом. Злобин потерял все из-за своего отношения к жизни. Свидетельства современников подтверждают предположение, что Злобин не любил деньги так, как их должно любить удачливым представителям его профессии.

Василий Алексеевич был более эпикурейцем, чем аферистом. О его роскошных пирах знал весь Петербург, его благотворительность превосходила зачастую все разумные пределы, ну а ради государственной пользы Злобин, нимало не задумываясь, шел на решительные для себя убытки.

Сколько тратил он на себя, в точности неизвестно. Но о размахе трат можно получить представление по одному интересному денежному документу. Это финансовый отчет командированного в Ялуторовск по делам винных откупов комиссионера Злобина Ильи Корсакова. За три года с 1808 по 1811 Илья, получавший от Злобина годовое жалованье в 10 тысяч рублей и пользовавшийся шестой частью откупных доходов, беззастенчиво потратил: на поездки в Петербург — 12 665 руб. 7,5 коп., на подношения разным лицам — 18 308 руб. 39 коп., на столовое довольствие и угощение — 35 097 руб. 14 коп., на покупку столового серебра, экипажей и конной утвари — 3810 руб. 65 коп., при этом в домах конторских в безлюдном Ялуторовске на «яствие и питье» было потрачено 193 460 руб. 57,75 коп. Финансовый отчет был принят без единого замечания и неудовольствия.²⁴ Если учесть, что таких откупных контор в Империи были десятки,

²³ Еланский В. Г. Вольский именитый гражданин Василий Алексеевич Злобин (Ко дню столетия его посмертного юбилея). Вольск, 1914. С. 31–32.

²⁴ Там же. С. 26–27.

Дом В. А. Злобина в Екатеринбурге

и все они жили на столь же широкую ногу, неизбежному разорению Злобина удивляться не приходится.

О том, на какую широкую ногу жили представители фирмы Злобина, дает представление следующее сообщение Ф. Ф. Вигеля:

«Скоро вступили мы в переднюю Сибири, в Пермскую губернию; тут опять появились русские селения. Мы нашли один только труп городишка Оханска, который за месяц до нашего приезда весь выгорел; на крутом берегу Камы высоко и одиноко торчал еще дом, занимаемый приказчиком Злобина, держателя питейного откупа во всей губернии. Он угостил нас по-злобински, пока через реку переправляли наши повозки. Славное вино развеселило сердца наши, и радость в нас умножилась, когда в сопровождении сего приказчика, на двенадцативесельном его катере, оглашенные песнями его гребцов, мы стрелой полетели через широкую Каму. Долг благодарности заставил нас вспомнить о Юшковых, о Гоньбе и о реке Вятке. Но что она в сравнении с Камой, с этим образчиком рек зауральских! Всем она взяла, сия величественная Кама, и шириной, и глубиной, и быстротой, и я не могу понять, почему полагают, что она в Волгу, а не Волга в нее впадает».²⁵

Несмотря на лукавство в обретении государственного кредита, Злобинское служение казне было на удивление преданным. В угоду казне Злобин поднимал цены на соляных и винных торгах неимоверно высоко, а на хлебных снижал невероятно низко. Казна при этом пользовалась огромными барышами, а Злобин терпел огромные убытки. Биограф Злобина протоиерей Еланский рассказывает о поставках ржаной муки в магазины Петербурга в 1804 году. Злобин

²⁵ Вигель Ф. Ф. Воспоминания. М., 1866. Ч. 2. С. 84.

согласился на просьбу Петербургского генерал-губернатора графа Толстого на эти невыгодные для себя поставки и даже сбавил цену на гривенник с куля. «Очень хорошо, это для бедных, — промолвил граф, — уступите же чтонибудь для меня». «Ну и для Вашего Сиятельства уступаю 10 коп.», — согласился откупщик. Присутствующий при этом князь Багратион тут же произнес: «А для меня, Василий Алексеевич?» «Как Ваше Сиятельство не уважить ответствовал тот, — уступаю и для Вас гривенник». Тут Багратион и Толстой заметили, что сам Злобин потребляет едва ли не больше всех хлеба в столице, потому что всех кормит, поэтому надо сделать скидку и для себя. Злобин уступил еще два пятака с куля, и тогда генерал-губернатор напомнил, что надо же сделать что-то и для государя. Злобин поднял руки вверх и, прося у Бога Государю здоровья и победы на врагов, уступил еще 10 коп. Так составила уступка на 50 коп. с куля, а всего в пользу казны поступило более 100 тысяч рублей.

В том же 1804 году в Петербурге были установлены новые осветительные фонари в количестве пятидесяти. Финансирование этого проекта, вылившееся в сумму 100 тысяч рублей, было проведено исключительно Злобиным.²⁶

Память о мягкосердечии Злобина надолго пережила его самого. Рассказывали, что один купец задолжал ему большую сумму и по закону должен был продать все свое имущество в уплату долга. «Это ужасно, — сказал Злобин, — быв прежде богатым, лишиться всего и выйти из собственного дома. Что если и со мной когда-нибудь то же будет!» Он не только отсрочил срок платежа, но и дал купцу средств продолжить его торговлю. Говорили, что, держа в руках расписки другого должника, Злобин вспомнил, что тот обременен большой семьей. Он взглянул на иконы, вздохнул и разорвал расписки со словами: «И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим».

Как свидетельствует Леопольдов, «каждый день Злобина начинался щедрою раздачею денежного подаяния нищей братии от избытка его. Были в Волгске и такие семейства, которые ежемесячно получали от него пособие в виде пенсии. Крупные статьи благотворения делал сам и никогда не оглашал их в среде народа».²⁷

Благотворительность Злобина распространялась на самые широкие слои неимущих, коих в России и тогда было предостаточно. А. Ф. Леопольдов сообщает: «В высокаторжественный день восшествия на престол Государя Императора Александра I 12 марта и вместе с тем, желая ободрить граждан г. Саратова, упадавших духом по случаю бывшей здесь чумы, в 1808 году Злобин заявил тогда здесь бывшему Министру внутренних дел Осипу Петровичу Козодавлеву, что он жертвует для больницы собственный дом, купленный им у г. Всеволожского за 11 тысяч рублей в Саратове подле городской больницы с особым дворовым местом и сверх того внести 10 тысяч рублей, с тем, чтобы получаемые с этого капитала проценты употребляемы были на призрение заболелавующих бурлаков, на заведение и содержание аппаратов, нужных для оживления утопших или

²⁶ Еланский В. Г. Вольский именной гражданин Василий Алексеевич Злобин (Ко дню столетия его посмертного юбилея). Вольск, 1914. С. 28–29.

²⁷ Леопольдов А. Ф. Биография волгского именитого гражданина Василия Алексеевича Злобина. Саратов, 1871. С. 15.

вообще на вспомоществование страждущего человечества... Не ограничиваясь этим благотворением, Злобин в том же 1808 году пожертвовал 30 тысяч рублей на учреждение подобных заведений в приволжских городах Камышине, Царицыне и Хвалынске».²⁸

Как сообщает Еланский, «в 1807 году он жертвует на вновь открывающееся в Оренбурге военное училище 1000 рублей, а в 1811 г. он жертвует для той же цели и свой деревянный двухэтажный дом в Оренбурге в 3500 руб.».²⁹

Чем более приобретал богатства Злобин, тем менее он им дорожил. Когда Злобину указывали на очевидную опасность и невыгодность некоторых его торговых предприятий, он отвечивал: «У меня один сын — и тот философ. Наживем миллионы — хорошо, а потеряем их — не заплачем, станем землю пахать, подобно как древний Римский патриций Цинциннат, потеряв состояние свое, сам пахал землю и тем себя с семейством пропитывал».³⁰

Более всего, без сомнения, Василий Алексеевич Злобин сделал для своего родного города. Хотя построенные им дома использовались для получения неправедных казенных кредитов, не одно стремление к обогащению, но желание благоукрасить город двигало им. Строил он здания с отменным вкусом, и Вольск по сей день остается заповедником чистого русского классицизма.

Н. И. Костомаров, посетивший Вольск в 1857 году, приводит рассказ одного из старожилов города. Прожив несколько лет в Петербурге, Злобин решил посетить свой родной город. Подъезжая к Вольску, на горе он вышел из экипажа, опустился на колени и, глядя на утопавшие в садах улицы, со слезами произнес: «Господи, прошу Тебя, помоги мне сделать что-нибудь хорошее из этого уголка!»³¹

«Этот уголок» Злобин считал своим единственным отечеством. Здесь, в Вольске, был его единственный собственный дом. В других городах, будь то Петербург или Астрахань, Злобин чувствовал себя как на постое. По воспоминаниям Ф. Ф. Вигеля: «Полжизни проведя в Петербурге, он в столице жил, как на ночлеге, не обзаводясь ни домом, ни дачею. С видом простодушным, откровенным, в смелых будто бы выражениях, он и знатных бояр и случайных людей улещивал, всех задабривал, но вместе с тем широко пользовался своими связями, чтобы хлопотать бескорыстно за посторонних ему людей и многочисленным своим клиентам когда выпрашивал, когда вымаливал, когда вымучивал разные милости. Правда, своею услужливостью и доброхотством Злобин и ставил себе везде подпоры и распространил о себе славу, которая, возвращаясь к своему началу, возвышала его в глазах тех самых, коим он ею был обязан...»³²

Благоукрашая родной город, Василий Алексеевич мечтал о наступлении того времени, когда, передав все дела своему сыну и компаньонам, он водворится

²⁸ Леопольдов А. Ф. Биография волгского именитого гражданина Василия Алексеевича Злобина. Саратов, 1871. С. 15–16.

²⁹ Еланский В. Г. Вольский именитый гражданин Василий Алексеевич Злобин (Ко дню столетия его посмертного юбилея). Вольск, 1914. С. 40.

³⁰ Там же. С. 30.

³¹ Костомаров Н. Поездка в Волгск // Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 г. С. 99.

³² Вигель Ф. Ф. Воспоминания. М., 1866. Ч. 2. С. 22.

в родном Вольске, наслаждаясь на покое красотой построенного им города. «Злобин, построив каменные палаты в Вольске и разведя там сады, ежегодно посылал в свое имение из столицы разные драгоценности, покупал мебель, бронзу и картины и мечтал окончательно водвориться на родине».³³

Сокровенной мечтой Василия Алексеевича было превратить небольшой торговый городок Среднего Поволжья в город, где процветали бы науки и искусства. Для этого из Петербурга были приглашены ученые и художники, среди которых были известный в масонских кругах столицы Игнаций Аврелиус Фесслер и талантливый немецкий художник Карл фон Кюгельхен (1772 — 1831). Сын Карла Кюгельхена Константин в своих воспоминаниях писал: «Злобин совсем влюбился в моего отца и убедил его переселиться в Саратовское имение, где сулил отцу завидное положение. Злобин носился тогда с широкою затеею — создать в южной России новый рассадник просвещения. В Вольске имели процветать новые Афины. Окружив себя избранным обществом художников и ученых, он им платил крупное содержание из собственного кармана. Вольские художники рисовали, ученые что-то изучали — и все обстояло прекрасно...»³⁴

Очарованный гостеприимством Злобина и завороженный грандиозностью его замыслов Карл фон Кюгельхен в письме от 14 февраля 1808 г. уговаривал своего брата-близнеца, исторического живописца и портретиста Гергарда Кюгельхена отправиться с ним в Вольск. В ноябре того же 1808 г. осторожный Гергард отвечал: «О твоём путешествии в Вольск я суждения составить не могу, но могу только скорбеть, что нас разделит еще большее расстояние. Впрочем, мы с тобою еще настолько молоды, что можем братья за новые предприятия, в напряженной деятельности примиряясь даже и с лишениями».³⁵ Вероятно, в Вольске Карл Кюгельхен нашел все необходимое для безбедной жизни и свободного творчества, так что продолжал настойчиво приглашать своего брата в «новые Афины». Однако Гергард Кюгельхен справедливо опасался, что чрезмерно милостивая и щедрая рука мецената Злобина оскудеет, и несмотря на то, что прибывшие по приглашению императрицы Екатерины немцы в ближайших окрестностях Вольска всего за полвека несказанно разбогатели, приволжский городок не казался ему «уголком Петербурга», а, напротив, представлялся весьма ненадежным пристанищем. В январе 1809 г. он писал брату в Вольск: «Я не могу порицать тебя за то, что ты отправился в Вольск, но последовать туда за тобою не решусь. Ты считаешь меня настолько состоятельным, что предлагаешь мне на собственный страх переселиться в Вольск. Но с какой стати мне ставить свою судьбу в зависимость от единичной личности, да при этом с легким еще сердцем затрачивать собственные средства, которые обеспечивают мне независимость? Вольск мог бы представить для меня интерес в том только случае, если бы я заручился там

³³ В. Ш. Семья немцев-художников в России // Исторический вестник. 1906. Т. 105. № 7. С. 201.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 203.

прочно договоренным жалованьем и не знал бы других забот, кроме собственной студии». ³⁶

Вместо Гергарда в Вольск с семьей Карла отправился зять обоих Кюгельхенов Генрих Цеге фон Мантейффель, который по отзывам современником был знатоком многих европейских языков, выдающимся танцовщиком и музыкантом, виртуозно игравшим на многих инструментах. Мантейффель с восторгом воспользовался приглашением Злобина, поскольку искал утешения после разрыва с покинувшей его возлюбленной Фелицией Нефф. Фелиция, увлеченная освободившимся из плена графом Сегюром, бежала с ним в Париж, а тайный плод несчастливой любви, родившийся в 1805 г. Тимолеон Карл, воспитывался попеременно в семьях Карла и Гергарда Кюгельхенов, пока не превратился в знаменитого придворного живописца Тимофея Андреевича Неффа, расписывавшего малую церковь Зимнего дворца и писавшего иконы для Исаакиевского собора, бывшего с 1864 г. директором императорского Эрмитажа. ³⁷

В Вольске Карл Кюгельхен написал немало пейзажей, в том числе и «Вид города Вольска», оказавшийся впоследствии в коллекции Александра Петровича Сапожникова. Немецкая практичность не помешала Карлу Кюгельхену принять участие в строительстве пресловутой финансовой пирамиды Злобина. Он настолько уверовал в предпринимательский талант и везение Василия Алексеевича, что рискнул не только своим капиталом, но и деньгами брата. Условия сделки казались совершенно беспронгрышными. Обрадованный Гергард в письме от 10 октября 1809 г. выражал Карлу и Злобину огромную благодарность за заботу о приумножении его капиталов. В знак признательности Гергард Кюгельхен прислал Злобину две миниатюры с изображениями Агнессы Сорель и короля Карла 7-го. ³⁸ Вероятно, миниатюры пришлись по вкусу Василию Алексеевичу, и художнику были заказаны новые работы. Во всяком случае в письме от 14 января 1811 г. Гергард сообщает брату, что пишет для Злобина семь картин на религиозные сюжеты. Неизвестно, были ли эти картины доставлены в Вольск, но одна из них — «Благовещение» впоследствии, когда дела Злобина пошатнулись, была продана Гергардом Кюгельхеном королю Пруссии. ³⁹

Разорение Злобина сделало невозможным для Кюгельхена пребывание в Вольске — науками и искусством в этом городе больше никто не интересовался. Однако тяга к рискованному бизнесу у него сохранилась навсегда. Чудом получив вложенные в дело Злобина деньги, он тут же вложил их в новое для России производство сахара из свеклы, которое организовывал в Сарепте заводчик Мауль. Неотработанность технологии и приключившаяся засуха при-

³⁶ Н. М. von Kuhlchen. Ein Lebensbild in Brieten. С. 152–153. Цит. по: В. Ш. Семья немецких художников в России // Исторический вестник. 1906. Т. 105. № 7. С. 203.

³⁷ Гергард Кюгельхен избежал неприятностей, связанных с разорением Злобина. Деньги, вложенные в дело, удалось вернуть. Однако по большому счету судьбы Гергард оказался в проигрыше. Заняв в 1813 г. профессорское место в Академии Художеств Дрездена, в 1820 г. Гергард Кюгельхен был ограблен и зверски убит в предместье этого города.

³⁸ В. Ш. Семья немецких художников в России // Исторический вестник. 1906. Т. 105. № 7. С. 203.

³⁹ Там же.

несла только убытки. Кое-как расплатившись с долгами Кюгельхен возвратился в Ревель, где вновь вернулся к занятиям живописью и писал пейзажи вплоть до своей смерти в 1831 г.

Он ничуть не жалел о том, что доверился Злобину и переселился в Вольск. В самое тяжелое время он писал Гергарду из Сарепты: «Пусть я и заслужил укоры от людей, а особенно от твоей семьи (вследствие неудачи с сахарным заводом), тем не менее я почитаю свой удел счастливым. Хотя я ни на что жаловаться не смею, так как небеса даруют мне разумное осуществление человеческих желаний, но временами тоскую по родине и родне и сам себе представляюсь настолько заброшенным здесь, на границе Азии, что теряю почву под ногами».⁴⁰

Вероисповедное происхождение Злобина не до конца ясно. Был ли он старообрядцем или принадлежал по рождению к господствующей Церкви — этого нельзя сказать с определенностью. Ф. Ф. Вигель замечает: «...суеты петербургской жизни изгладили в нем следы староверства, в коем он родился, как, кажется, ослабили в нем самое православие...». Однако первый биограф Злобина саратовский журналист А. Ф. Леопольдов настаивает, что «Злобин родился в недрах Православия» и уклонился к старообрядчеству под влиянием своей жены Пелагии.⁴¹

Но в царствование трех монархов: Екатерины Великой, Павла Петровича и Александра Благословенного — вероисповедные различия мало принимались во внимание. Сказалось здесь и модное вольтерьянство, и, главным образом, первое «экуменическое искушение», постигшее Русскую Церковь — идея универсального христианства. Для Василия Алексеевича Злобина были хороши все церкви, где призывалось имя Христово. Поэтому он щедрой рукой давал средства на постройку как православных, так и старообрядческих церквей.

Злобину принадлежит заслуга построения Троицкого собора, заложенного в 1793 г., построенного в 1806 г. и освященного в 1809 году. Храм, выстроенный в безупречном классическом стиле, был окружен не менее изящными постройками: усадьбой Мельникова и его уменьшенной копией — домом Брюханова; рядом находился особняк Вольского полицмейстера Н. Н. Струкова. Злобину принадлежит значительная доля участия и в строительстве Предтеченского собора, ставшего после учреждения в 1850 г. Вольского викариатства кафедральным. Проект собора был утвержден в 1809 году. Но сама постройка началась в год смерти Злобина, когда он уже был вполне разорен и большого взноса (его пожертвование — 180 руб.) сделать не мог. Весьма вероятно, что постигшее Злобина несчастье стало причиной медленного строительства собора. Он был освящен только 28 сентября 1844 года. В 1814 году была освящена построенная Злобиным кладбищенская церковь Святого благоверного князя Феодора Смоленского и чад его Давыда и Константина, которой суждено было стать его усыпальницей. Несомненно участие Злобина и в строительстве единоверческой Христорождественской церкви, бывшей до 1845 г. беглопоповской.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Леопольдов А. Ф. Биография волгского именитого гражданина Василия Алексеевича Злобина. Саратов, 1871. С. 6.

Замысел ее построения возник между вольскими старообрядцами в 1805 году. Была открыта подписка, и Злобин одним из первых пожертвовал 10 тысяч рублей.

Жена Злобина Пелагия Михайловна, урожденная Волковойнова была ярой, фанатичной старообрядкой.

Первоначально она сопровождала мужа, не чуждаясь роскоши петербургской жизни. Однако ревность к древнему благочестию со временем не позволяла ей мириться с вольностями столичного быта. Женитьба сына на англичанке Марианне Стивенс показалась ей совершенной уступкой антихристу. Пелагия Злобина возвратилась в Вольск, а затем затворилась в одном из Иргизских монастырей, где, по свидетельству известного исследователя раскола митрополита московского Макария (Булгакова), отчаянно сопротивлялась введению единоверия. Только благодаря щедротам и покровительству ее мужа Иргизские монастыри достигли к началу XIX века цветущего состояния. Сам император Павел Петрович пожертвовал из собственных средств 12 тысяч рублей в пользу погоревших было Иргизских монастырей (благодарные старообрядцы приняли из них только 6 тысяч). Здесь же, на Иргизе, в Средне-Никольском монастыре она была похоронена в 1803 году. Знаменитый кокошник Пелагии Злобиной, фантастической стоимостью в 40 тысяч рублей, остался на Иргизе, однако через несколько лет бесследно исчез, прихваченный, как подозревал митрополит Макарий, одним из «исправленных» беглых попов. Характер жены Злобина был далеко не ангельский. Чувствуя себя хозяйкой Иргиза, она пыталась руководить деятельностью монастырей, немилосердно ругая беглых священников, многие из которых, по правде сказать, заслуживали такого отношения. Как пишет известный саратовский исследователь раскола Н. С. Соколов, «известная «защитница православия», П. М. Злобина, однажды в праздничный день, войдя в церковь за вечернюю службу, рассердилась за что-то на служившего иеромонаха Насона и, ставши в северных алтарных дверях, с гневом топала ногами и кричала ему: «Скинь, попишко, ризы, скинь!» Тот долго слушал молча, но под конец не вытерпел, сорвал с себя их и бросил на пол, а сам ушел из церкви и, боясь строгого наказания, бежал затем совсем из монастыря. Злобина вообще нередко собственноручно разделялась с виноватыми иноками и сдирала ризы с недостойных, по ее мнению, священников, — ради богатства и влиятельности все это ей дозволялось со стороны настоятеля и братии безвозбранно».⁴²

Известны огромные пожертвования В. А. Злобина на благоустройство Иргизских старообрядческих монастырей. В 1789 году в самом близком к Вольску Нижне-Воскресенском монастыре появилась пятиглавая деревянная церковь во имя Воскресения Христова, выстроенная на средства Василия Алексеевича Злобина. Иконы в эту церковь были написаны знаменитым тверским иконописцем Иваном Пешехоновым. На отдельно стоящей колокольне размещалось одиннадцать колоколов разной величины и башенные часы — куранты. Стараниями Злобина Воскресенская церковь имела богатейшую утварь. В храме находился редкий даже для «никонианских» храмов семиярусный иконостас.

⁴² Соколов Н. С. Раскол в Саратовском крае. Саратов, 1888. С. 247.

*Храмы Нижне-Воскресенского старообрядческого монастыря.
Фото начало XX века.*

Четыре из восьми огромных икон местного ряда были украшены тяжелыми сребропозлащенными окладами. В храме находилось до 300 икон, украшенных серебряными вызолоченными окладами с драгоценными камнями и жемчужинами. Многие из этих икон были мощевиками, сохранявшими останки самых почитаемых Православной Церковью святых. Одной из достопримечательностей Воскресенского храма была огромная шестипудовая дарохранительница, едва помещавшаяся на престоле. Такой размер дарохранительницы объясняется тем, что старообрядцы всегда нуждались в большом количестве «запасных» Святых Даров. Редкие беглые священники служили литургию на огромном Агнце, который дробился на тысячи частиц, помещавшихся в дарохранительницу и развозившихся доверенными лицами за тысячи верст от храма. На изготовление дарохранительницы Воскресенской церкви ушло четыре с половиной пуда меди и полтора пуда серебра. Замечательной красотой отличались густо вызолоченные медные Царские врата и восемнадцатипудовое шестиярусное медное высеребренное паникадило, в котором на праздничных всенощных зажигалось четыре пуда свечей.

В 1795 году в Нижне-Воскресенском монастыре появилась еще одна теплая двухпрестольная деревянная церковь. Выстроена она была на средства того же Злобина. Главный престол был освящен в честь Рождества Божией Матери, придел — во имя Апостола Иоанна Богослова.

Благодарность иргизских иноков была поистине великой. В Нижне-Воскресенском монастыре долго сохранялось предание о том, что Василий Алексеевич Злобин, отойдя от всех мирских дел, принял в 1791 году иноческий постриг и под именем Прохора был настоятелем обители.⁴³

Мнение Ф. Ф. Вигеля о вероисповедном безразличии Злобина представляется не совсем точным. Василий Алексеевич одинаково щедро жертвовал средства на строительство «никонианских» и старообрядческих храмов не оттого, что не хотел видеть различия двух почти равных по численности конфессий. Мысль Злобина проникала куда глубже идеи конфессионального равноправия, стремясь отыскать средство к искоренению раскола.

Астраханский историк Жилкин писал: «...в самый расцвет иргизского и вольского старообрядчества, в конце XVIII века, когда торжественно гремели колокола в старообрядческих храмах и когда священники из православия с полной свободой шли «на исправление» и службу к богатейшему и расцветавшему старообрядчеству, в среде старообрядцев сама собой зародилась мысль о единоверии. За полтора десятилетия лет повальной вражды и ожесточенного фанатизма это была первая светлая мысль о примирении. Во главе этого свежего движения встали главари старообрядчества: иргизский наставник инок Сергей, вольский миллионер Злобин, вольские купцы — Волковойнов, Сапожников, Елифанов и другие. Рука примирения уже тянулась от старообрядчества к протянутой руке православия. При мирном, естественном ходе вещей единоверию предстояла блестящая будущность...»⁴⁴

О желании примирения старообрядцев с господствующей церковью много пишет епископ Иаков (Вечерков), управлявший Саратовской епархией в 1832–1847 гг. Инициаторами единоверия со стороны православных были Астраханский архиепископ Никифор (Феотоки) и Московский митрополит Платон (Левшин). Со стороны старообрядцев инициатива принадлежала иноку Сергию (Юршеву), одному из самых авторитетных наставников Иргиза.

Преосвященный Никифор оказался для Сергия тем авторитетом, который убедил его присоединиться к единоверию. Помощником Сергия в этом стал именитый гражданин Волгска Василий Алексеевич Злобин. Будучи человеком самых широких убеждений, Злобин искренне желал видеть приверженцев старых обрядов членами единой православной российской церкви. Это стремление встретило неожиданное препятствие в лице жены Злобина Пелагии.

Московский митрополит Макарий Булгаков пишет, что настроенная фанатично Пелагия Злобина, услышав разговор своего супруга с Сергием, решила во что бы то ни стало не допустить соединения старообрядцев с господствующей церковью. Когда Сергей отправился в Петербург для законного присоединения Иргиза, Пелагия Злобина расставила по всем дорогам своих караульных, чтобы они по пути схватили и умертвили его. Бог не допустил свершиться злодеянию,

⁴³ Пугачевский Филиал ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1. Л. 8об.

⁴⁴ Жилкин. Из истории поволжского старообрядчества // Астраханский листок. 24 января 1904 г.

и Сергей вместе с Василием Злобиным выпросили у митрополита Гавриила двух православных иеромонахов для законного служения в иргизских монастырях. Когда исполнивший свой замысел Сергей возвращался в Волгск, в Москве происками безумной Пелагии он был взят под стражу и несколько дней пробыл под арестом на Рогожском кладбище. Спасение пришло от московского градоначальника князя Прозоровского, который, выручив Сергия, сопровождал его до самого Иргиза.

Возвратившись на Иргиз, Сергей обнаружил, что все его единомышленники сделали противниками единоверия. Привезенные им два православные иеромонаха и иеродиакон жили без всякого дела за пределами монастыря у жены брата Сергия. Однажды ночью в настоятельские кельи, где вновь поселился Сергей, ворвались келарь и еще два монаха, которые, называя Сергия предателем, бросились его душить. Племянник Сергия бросился в Вольск к исправнику, который поспешил в монастырь. Сергей был найден запертым в каком-то чулане.

Несмотря на уговоры исправника братия наотрез отказалась повиниться Сергию. Настоятелем Иргиза был избран уставщик Прохор — бывший саратовский купец Петр Калмаков. Разочарованный Сергей отправился вместе со всеми своими родственниками в Стародубские слободы, где введение единоверия прошло успешно. Через некоторое время он был рукоположен в сан иеромонаха и сделался настоятелем единоверческого Успенского монастыря в Белоруссии.

Неудача в установлении единоверия не стала самым большим несчастьем в жизни Злобина. Куда более страшной оказалась для него ранняя смерть сына Константина. Меланхолия всецело овладела им, так что в 1814 г. банкротство Злобина стало полным и окончательным.

Как свидетельствует Леопольдов, «получив в Петербурге горестное известие, Злобин пришел в отчаяние, предался унынию до того, что бросил все, не стал более думать о поддержке своего состояния, даже, говорили, предался слабости, хотел, как говорится, запить свое великое и необъятное горе. Ибо все надежды его исчезли. В таком расположении духа он приехал в Волгск, расстроенный до того, что едва мог благословить колыбель внука. Саратовские друзья: губернатор Панчулидзе, вице-губернатор Железнов, купцы Крюков, Волков, Туляков, коллежский советник Устинов, протоиерей Скопин придумали вызвать его из Волгска в Саратов, чтобы развлечь и утешить в несчастье. Злобин послушался, приехал, но уже полуживой, задумчивый, молчаливый...»⁴⁵

Угнетенному духу Василия Алексеевича сильно вредили разговоры с профессором Игнатием Фесслером, который, будучи масоном, пугал Злобина мрачной мистикой. В ночь с 18 на 19 августа 1814 года Василий Алексеевич Злобин умер в доме саратовского купца Филиппа Васильевича Катенева. Владимирова в статье «Первое столетие Вольска» передает рассказ очевидцев смерти Злобина. В день его кончины были закрыты все лавки и магазины Саратова. Гроб стоял

⁴⁵ Леопольдов А. Ф. Биография волгского именитого гражданина Василия Алексеевича Злобина. Саратов, 1871. С. 21.

на судне и был окружен множеством свечей, священники непрерывно служили панихиды. В Вольск приплыли ночью и разложили на берегу большие костры. Весь город вышел на берег, собралось много крестьян из окрестных сел — Терсы и Рыбного, а также с Иргиза. Толпа сопровождала гроб до могилы под церковью, тогда еще не совсем достроенной.⁴⁶

Василий Алексеевич завещал похоронить себя на православном кладбище. Потерпев неудачу с введением единоверия, он, по свидетельству Н. Соколова, как бы искупая свою вину, стал еще более ревностно поддерживать волгских старообрядцев. Однако сын его, чиновник министерства юстиции, получивший дворянство, не мог «ходить по старой вере» и присоединился к господствующей Церкви. Венчался он со второй своей женой Верой Алексеевной Трифоновой в новопостроенном Троицком соборе. Там же на третий день после смерти было совершено его погребение. И погребен он мог быть только на православном кладбище.

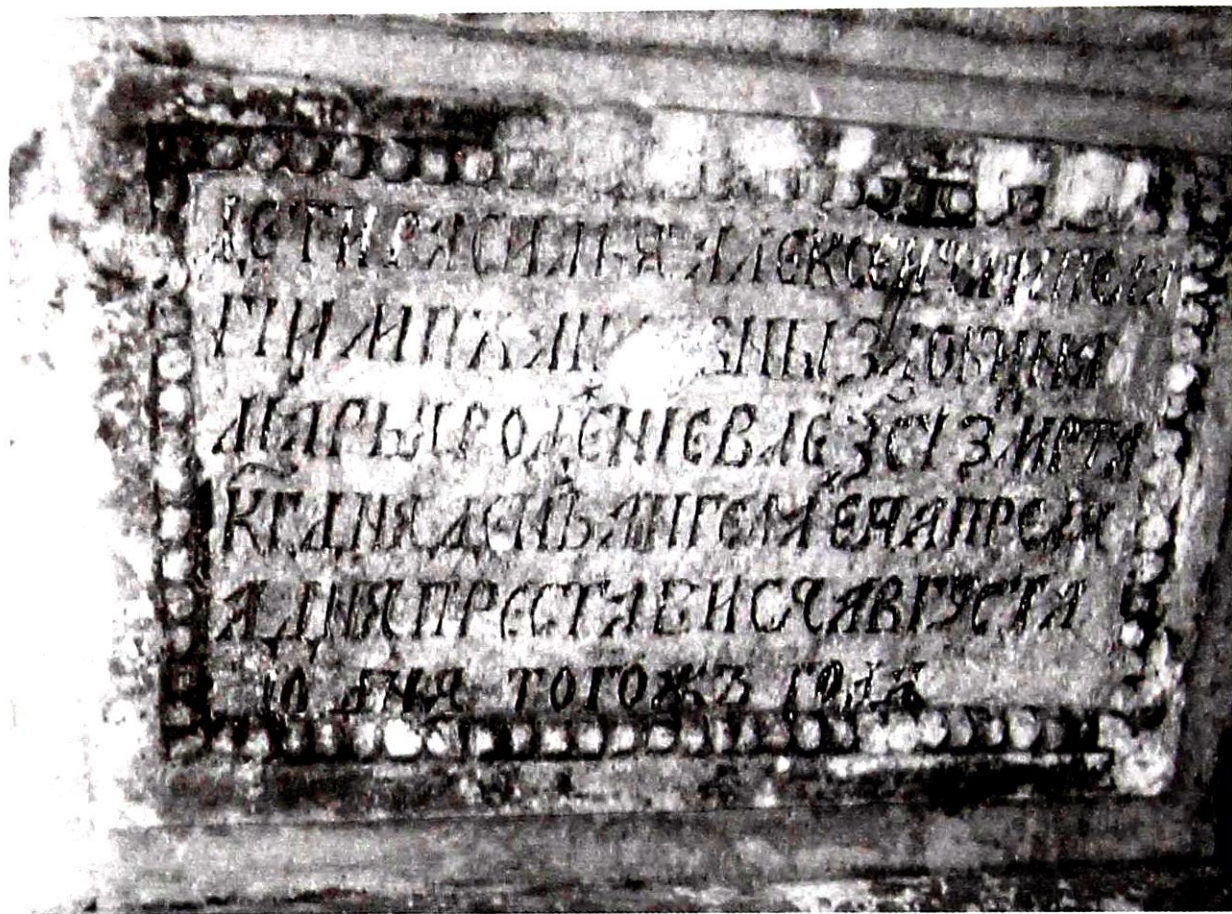
Похоронив сына, В. А. Злобин почувствовал, что его собственная смерть не за горами. Необходимо было позаботиться о своем погребении, тем более, что и Пелагия Михайловна давно уже упокоилась в Средне-Никольском Иргизском монастыре. Ему хотелось лежать рядом с Константином, хотя по вероисповедному признаку следовало ожидать захоронения на старообрядческом кладбище. Вероятно, в последний год своей жизни Василий Алексеевич решил соединить семью под сводами Феодоровской церкви. Не решаясь потревожить останки жены, он переносит прах троих своих младенцев с кладбища «на горах» на новое место, присоединяя к нему тело своего старшего брата Ивана. Их складывают в общую могилу, устроенную у самого входа в церковь. Надгробие младенцев Злобиных, не совсем точно описанное М. М. Владимировым в очерке «Первое столетие Вольска», осенью 2007 г. было обнаружено известным вольским краеведом С. И. Никитушкиным на городском кладбище неподалеку от того места, где стояла Феодоровская церковь. Надпись на этом надгробии гласит: «Дети Василия Алексеевича и Пелагии Михайловны Злобиных Марья рождение в лето 7297 (1789) марта 23 дня день ангела ея апреля 1 дня, преставися августа 10 дня того же года.

Рождение Тихона 10 июня 1792 года, имянинник 16. Скончался июня 26 числа. Рождение Елисаветы 19 числа апреля 1793 года в 12 часов пополудни. Имянины 24 числа. Дядя их родной Иван Алексеевич и все оные покойники в одной могиле погребены»⁴⁷.

После смерти Злобина казна испытала ряд горьких разочарований. Оказалось, что разорившийся откупщик оставил после себя долгу 4 098 141 рубль, в том числе не обеспеченных никакими залогами 2 264 302 руб. 54,25 коп.

⁴⁶ Владимиров М. М. Первое столетие Вольска // Саратовский исторический сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Издание Саратовского Статистического комитета. 1891. Т. 1. От. 1.

⁴⁷ В настоящее время этот памятник находится в Крестовоздвиженской церкви, расположенной на территории бывшего имения В. А. Злобина. Ныне — территория Вольского высшего военного училища тыла.

Надгробие детей В. А. Злобина и его брата Ивана.

Поскольку Злобин практиковал сдачу в залог чужую недвижимость, то часть долга, и немалая, легла на вольских граждан. По залогам и поручительствам вольских купцов насчитано долгу 1 116 461 руб. 53,5 коп. Немедленно последовал ряд распоряжений о взыскании недоимок. Недвижимое имущество Злобина было описано и взято в казну. Туда же пошли и все другие дома вольских залогодателей. Началась распродажа, закончившаяся полным фиаско, так как оказалось, что реквизируемые дома имеют ценность ничтожную по сравнению с их «величественной» залоговой оценкой. В 1828 году, в год переоценки за два дома с винокуренным заводом в Константиногорске, оцененных при залоге в казну в 201 250 руб., можно было дать только 1240 руб., Гостиный двор, оцененный в 200 тысяч, не потянул более чем на 50 тыс. и т. д. Многие из крестьян, принадлежавших Злобину, оказались «мертвыми душами». Постройки, которые отошли в казну, оказалось невозможно продать. Великолепные дома, оставшиеся без хозяев, под казенным присмотром быстро разрушались. К 1830 году был целиком разобран Константиногорск, занимавший квартал 180 сажень на 40 сажень. До последнего кирпича был разобран дворец зятя Злобина войскового старшины Данилы Донского: трехэтажный дом на 20 комнат с 93-мя окнами, 36 коринфскими колоннами с лепными капителями и карнизами по всему периметру, с богатыми надворными постройками, службами, оранжереями. Эти находившиеся в казенной собственности рассыпавшиеся и разбивавшиеся дома в 1831-

1832 году были переданы переведенным из Саратова по ходатайству губернатора Л. Ф. Переверзева батальонам военных кантонистов, позднее переименованных в кадеты.

Отчаявшись взыскать ей принадлежащее, казна воспретила вольским купцам, коих к середине 20-х годов насчитывалось более двух десятков, вести торговые операции. Город оказался в осадном положении, лишенный свободы в распоряжении своими капиталами и имуществом. За 1821–1824 год из 22 вольских купцов 12 человек почислилось в мещане, 7 умерло от огорчения, двое почислились в мещане: один в Саратове, другой в Москве. После 15 лет отчаянных попыток казны вернуть свое она сдалась окончательно. 11 июля император Николай Первый утвердил представление Кабинета Министров простить долг вольских обывателей за именитого гражданина Злобина «по совершенной надежности оного о взыскании».⁴⁸

Пытаясь спасти хоть какую-то часть имущества Злобиных, которую можно было направить на возмещение казенного долга, власти организовали особую Комиссию по несостоятельности Злобиных. В нее вошли вольский полицмейстер Струков, предводитель дворянства Кремлевский, городской голова Волковойнов, член магистрата Ханов.⁴⁹

Недоброжелатели опекунов малолетних внуков В. А. Злобина донесли комиссии, что часть имущества Злобиных спрятана у одного из родственников Злобина войскового старшины Данилы Донскова. В результате обыска «в каменном доме опекуна Донскова найдены в нижнем этаже под полом, засыпанным сверху песком, вывезены из упомянутой Злобиным кладовой разные картины, книги и бумаги, которые, исключая первых, когда не поместились в пять кулей, то положено и завязано было в большой ковер, привезенный ж из дому Злобиных, и все оное найденное отвезено и положено, по решению комиссии, в самую безопасную каменную со сводами кладовую, находящуюся при доме вольского купца Алексея Попова, которая кладовая была заперта и запечатана печатями».⁵⁰ У опекуна Дмитрия Юрьева также нашли припрятанные вещи Злобиных — дорогие иконы в серебряных и вызолоченных окладах, униженные жемчугом и камнями, картины, бронзовые часы и многое другое.

В село Юрьево, принадлежащее опекунам Злобина, было вывезено немало добра, в том числе сундук с серебряными вещами. Этот сундук был доставлен в Вольск. Опись его, однако, была утеряна. Некоторые вещи невестка Злобина Вера Алексеевна отдала своей матери коллежской советнице Анне Трифоновой в Кузнецк. Прокурор Сучков выехал туда с поверенным Яковлевым и отмечал позже: «Получа по требованию моему от госпожи Трифоновой оставленные дочерью бриллиантовые вещи и с ними оказались жалованные покойному именитому гражданину Василию Злобину медали, из коих одна осыпана бриллиантами, по учинении им подробной описи и по запечатании железного

⁴⁸ Еланский В. Г. Вольский именитый гражданин Василий Алексеевич Злобин (Ко дню столетия его посмертного юбилея). Вольск, 1914. С. 20–24.

⁴⁹ Марков А. С. Варваций. Астрахань. 2002. С. 191.

⁵⁰ Государственный архив Астраханской области (далее — ГААО). Ф. 1. Оп. 6. Т. 1. Д. 874. Л. 70.

сибирской работы ящичка, в коем все те вещи хранились и опять в него положены и скреплены печатями».⁵¹

Память о Василии Злобине надолго пережила его самого. 24 сентября 1880 года Владимиров посетил семейный склеп Злобиных в Федоровской церкви городского кладбища. Могилы и памятники на них были в порядке. Еще в это время являлись приезжие, по преимуществу дамы, которые служили панихиды по Злобину. Когда их спрашивали о покойном, они отвечали: «Он благодетель моих родителей...»⁵²

Возведенные на средства В. А. Злобина Троицкий собор, Единоверческая Христорожественская церковь, кладбищенский храм во имя Благоверного князя Феодора украшали город до начала 30-х годов прошлого столетия. До 1919 года продолжались богослужения в построенных им храмах Воскресенского монастыря в Криволучье.

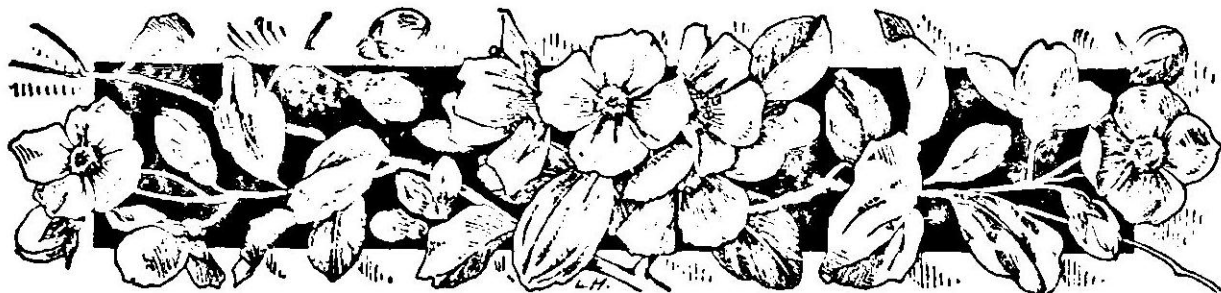
Улица, по которой Василий Алексеевич ездил из своего вольского дома в Константиногорск — имение своего сына, долго называлась Злобинской. В тридцатые годы вместе с последними злобинскими постройками исчезло с городской карты и это название.

Однако «река времен» не в силах поглотить памяти о тех, чьи имена помнит Бог. И сохраняются они отнюдь не «через звуки лиры и трубы», а в молитвах благодарных современников и потомков, которые в течение многих десятилетий возносились в построенных ими храмах. Имя Василия Алексеевича Злобина не забыто в городе, который мог бы называться Злобинском. Его носит построенная в 1997 году набережная. В 2004 году началось восстановление построенного на его средства Троицкого собора. Возвращается жизнь и в стены Иргизского Нижне-Воскресенского монастыря. Есть надежда, что будут восстановлены и храмы, построенные в этом монастыре на средства Василия Алексеевича. Бог даст, и среди наших современников найдутся благодетели, столь же удачливые, как Именитый гражданин Василий Злобин, которые будут так же искренне любить свою землю.

⁵¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 874. Л. 73.

⁵² Владимиров М. М. Первое столетие Вольска // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Издание Саратовского Статистического комитета. 1891. Т. 1. От. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ

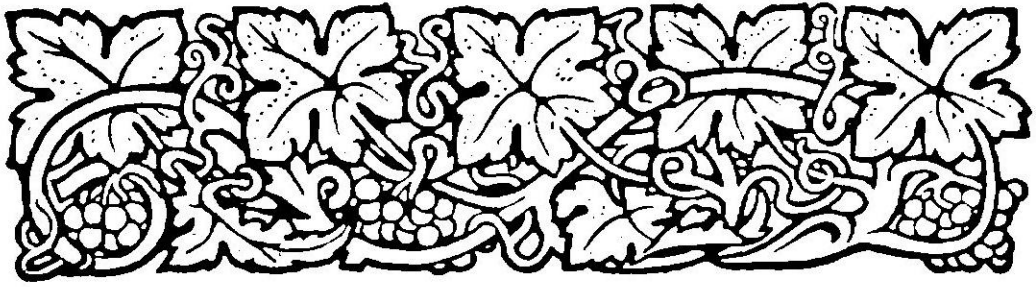
ПИСЬМО В. А. ЗЛОБИНА ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I

«**Д**вугустейший Монарх, Всемилостивейший Государь! Двадцать лет уже протекло, как я имею счастье носить имя, доселе только уважаемое в страннейшей России, — имя Именитого гражданина. Оно приобретено усердным исполнением долга звания моего и оправдано Милостями трех монархов, которые, возвышая лице мое пред очами моих собратий, не могли однако возвысить более сего драгоценного названия. Четыре пожалованных мне знака сих милостей и 18 именных Высочайших повелений, изданных на разные случаи, подтвердили его в нем. Я состарелся с ним, и мнил сойти и во гроб, мечтая, что оно останется и после меня, переживет и самую память о малых моему отечеству заслугах, или с ним неразлучно достигнет до потомства, которое умеет ценить граждан без различия состояний... Но, Государь, Высочайший твой манифест от 3-го января сего года, залог наряду с другими, благотворный для твоих подданных, лишает меня — старца, сей, неоценимой, казалось мне, во веки не отъемлемой моей собственности. Я не касаюсь дерзновенно мыслию святых учреждений твоих, проистекающих от высоких намерений устроить благо толиких миллионов верных тебе Россиян. Но прости мне слезы горести о моей потере, слезы, которые изливаю пред Тобою. Прости преподданнейшее дерзновение, может быть, прошение седого старца: оставь мне имя мое... Позволь, да еще ношу его оставшиеся мне, вероятно, немногие годы, прославляя сию новую Твою милость.

Простираясь у Престола Твоего, пребываю с глубочайшим благоговением, Вашего Императорского Величества верноподданный Василий Злобин, донныне именитый гражданин Вольский».

Источник: Еланский В. Г. Вольский именитый гражданин Василий Алексеевич Злобин (Ко дню столетия его посмертного юбилея). Вольск, 1914. С. 36–37.

НАШ МАЛЕНЬКИЙ КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ИСТОРИЯ КОНСТАНТИНА ЗЛОБИНА

Среди малоизвестных стихотворений Гаврилы Романовича Державина есть посвящение «Молодому Злобину». В этом полушутливом стихотворении маститый сочинитель од и государственный человек советует начинающему поэту, не чуждавшемуся коммерции, остановиться на каком-нибудь одном поприще. Адресатом посвящения Державина был его подчиненный — чиновник министерства юстиции, сын известного петербургского откупщика Константин Васильевич Злобин.

Сегодня имя этого не лишеного поэтического дарования человека прочно забыто, но, окажись фортуна чуть благосклоннее к нему и его отцу, на карте Саратовской губернии значился бы город Константиногорск, наш маленький Константинополь, который в начале позапрошлого столетия уже начинал строиться.

В послужном списке Константина Васильевича Злобина значится, что родился он в г. Волгске 1781 году.¹ Его отец, двадцатилетний, еще никому не известный писарь волостного правления, видимо, уже тогда мечтал о более широком поприще и сыну своему хотел дать особенное воспитание.

Этому не могла воспротивиться даже жена, урожденная Пелагия Волковой-нова, известная своей ревностной приверженностью к старообрядчеству. Юный Константин Злобин был отправлен в одну из первых немецких колоний в Поволжье — Сарепту, где воспитывался в моравском гернгутерском братстве под руководством начальника евангелического пастора Даниила Генриха Фика.

В фондах Вольской картинной галереи хранится портрет неизвестного юноши, в котором при внимательном рассмотрении можно обнаружить явное сходство с более поздним портретом К. В. Злобина, находящимся в экспозиции этого же музея.

18-летним юношей в 1798 г. Константин Злобин был зачислен в канцелярию Санкт-Петербургского военного губернатора. В 1800 г. он в чине губернского секретаря переходит в канцелярию генерал-прокурора князя А. А. Вяземского. С 1801 г. он в чине титулярного советника становится сверхштатным чиновником по особым поручениям при министре юстиции Г. Р. Державине. 22 сентября

¹ Послужной список. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1343. Оп. 22. Ед. хр. 2096. Л. 7. В Обывательской книге г. Волгска, составленной в 1886 г., возраст Константина Злобина указывается в 3 года. (ВФГАСО. Ф. ОДФ-1. Ед. хр. 1. Л. 311). А. Ф. Леопольдов считает, что К. В. Злобин родился в 1777 г. (Леопольдов А. Ф. Биография волгского именитого гражданина Василия Алексеевича Злобина. Саратов, 1871. С. 40).

1801 г. молодой Злобин был пожалован титулом коллежского асессора, через год, 2 декабря 1802 г., «за ревностное исполнение возложенного препоручения» производится в надворные советники.

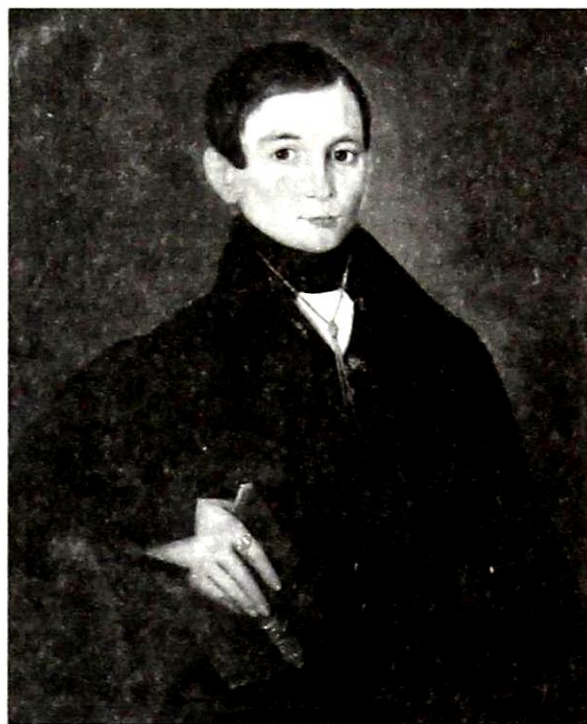
В отставку он выходит 19 февраля 1805 г. коллежским советником, в чине, дававшем его обладателю потомственное дворянство. В 1808 году ему был пожалован орден Св. Владимира 4-й степени. Несколько ранее он был удостоен ордена Св. Анны 2-й степени.²

По свидетельству знавших молодого Злобина, он знал древние языки, имел хорошую библиотеку, что было удивительно для купеческого сына, и занимался литературой.

В петербургском доме отца он сходится с лучшими людьми своего времени. Первым браком он женится на свояченице М. М. Сперанского англичанке Марианне Стивенс. Не прожив и полгода, супруги навсегда расстались.

Ф. Ф. Вигель вспоминает об этом несчастливом браке следующее:

«Она была меньшая сестра умершей жены Сперанского и несколько времени жила у него вместе с матерью, англичанкою Стивенс, при оставшейся ему малолетней дочери. Там увидел ее молодой Злобин, не совсем похожий на отца своего, с большою образованностью, только не светскою, с плохим здоровьем, лицом печальным и нравом утрюмым. Он пленился девочкою живою, избалованною, почти бешеною, и Сперанский, для коего такое родство было тогда находкой и который, как уверяли, имел особливые причины спешить замужеством свояченицы, скоро этим делом поладил. Оно уже тем ему было полезно, что избавляло его от издержек на содержание маленького семейства его, тещи и дочери, которые совсем переселились к Злобину. Старик не воспротивился сему браку... к тому же и свойство с Сперанским, восходящим солнцем, должно было радовать такого рода человека. Но едва прошло шесть месяцев, как молодые супруги, по совершенному несогласию в нравах, увидели невозможность дальнейшего сожития. Желая временною разлукой их помирить, ближние их выдумали госпожу Стивенс с дочерью и внуком, под предлогом какой-то болезни, отправить к Балдонским водам (за границу тогда было не так легко). Они медлили возвращением; ибо сын Злобина, не в состоянии уже будучи скрывать злобы своей к Сперанскому, решительно объявил, что оставит отчий дом, что действительно и сделал он, лишь только узнал, что они в позднее осеннее время

*Неизвестный художник.
Портрет неизвестного юноши.
Вольская картинная галерея*

² РГИА. Ф. 1343. Оп. 22. Ед. хр. 2096. Л.

предприняли обратный путь. Он бросил службу и ускакал в Вольск управлять делами отца. Более года еще сохраняли надежду сблизить супругов, и присутствие женского пола в доме Злобина делало его более пристойным, умножало его приятности».³

Вторично Константин Васильевич обретает семейное счастье в своем кругу, женившись на 23-летней дочери Кузнецкого городничего Вере Алексеевне Трифоновой. Венчание было совершено 7 января 1810 г. в Троицком Соборе г. Вольска. В метрической книге были записаны поручители этого брака: Саратовский губернатор Алексей Давыдович Панчулидзе, надворный советник Петр Иванов, надворный советник Никанор Струков.⁴

Новый брак Константина Васильевича был счастливым. Русская жена пришла по вкусу и его отцу, который ничего не жалел теперь и для своей невестки. В одном из писем Василия Алексеевича сыну читаем: «Дружининский участок земли вами укрепленный и мною предоставленный в полное и единственное владение любезнейшей невестушке моей Вере Алексеевне, если вы признаете нужным продать Кузнецкому обществу за назначаемую вами цену, то и извольте, любезнейший друг, в продаже оного распорядиться по собственному вашему благоугождению и как полномочный хозяин, на что и даю вам полное мое согласие, ибо я уверен, что и любезнейшая невестушка Вера Алексеевна на сие равномерно будет согласна. Ей же взамен сего участка можете, любезнейший друг, предоставить и укрепить из недвижимого имения вашего деревню Липовка... Сию статью прошу вас, любезнейший друг, исполнить и учредить так, как следует сообразно моего желания и прежнего от меня разрешения в особенное мне удовольствие...».⁵

Отношения отца и сына Злобиных отличались преданностью и любовью. Стараясь ввести своего сына в лучшие дома Петербурга, Василий Алексеевич устраивал его на службу к своим высокопоставленным компаньонам по винным откупам — генерал-прокурору А. А. Вяземскому и министру юстиции Г. Р. Державину. Не стремившийся к званиям и чинам, более всего ценивший звание Именитого гражданина родного Волгска, Василий Алексеевич Злобин мечтал, чтобы сын его стал дворянином. По законам Российской Империи это было вполне возможным — стоило только приобрести военный или гражданский чин достаточного класса. Чтобы дворянство сына не было пустым словом, Злобин старший рачительно покупал имения, крестьян, записывая их на имя подпоручика Дмитрия Юрьева, чтобы впоследствии, когда Константин Васильевич получит дворянство, оформить это имущество в его собственность.

В записке, обращенной генерал-прокурору Норову по поводу казенных и частных долгов Василия и Константина Злобиных, отмечалось: «...Комиссия, приведя в известность отдельные имения Василия Злобина и сына его Коллежского Советника Злобина и жены последнего Веры Злобиной, представила, между

³ Вигель Ф. Ф. Воспоминания. М., 1866. Ч. 2. С. 21.

⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 22. Ед. хр. 2096. Л. 46–47. Венчание в Троицком соборе показывает, что в это время К. В. Злобин не был (по крайней мере, официально) старообрядцем.

⁵ ГААО. Ф. 677. Оп. 1. Д. 38. Л. 37об.

прочим, Саратовскому Губернскому Правлению, что когда Константин Злобин не был еще в чине, дающем ему право на приобретение крестьян, то Василий Злобин начально покупал имения на имя покойного подпоручика Юрьева, что он имел от сего последнего доверенность на полномостное и независимое управление покупаемыми вотчинами, а с тем вместе и на дальнейшее оных приобретение, что при делах имеется вексель, данный сим последним Василию Злобину в 50 тысяч рублей, по мнению Комиссии, для того, чтобы Злобин имел несомненную веру во всегдашней принадлежности ему покупаемых на имя Юрьева имений, когда же Константин Злобин получил чин Губернского Секретаря, то отец его все имение, состоявшее дотоле под именем Юрьева, перевел покупкою на имя сына своего Константина Злобина, после сего дальнейшие покупки недвижимого имения совершаемы были на имя Константина Злобина, который впоследствии по поручению отца управлял всем его имением и тем средством умножал оное.

Для доказательства основательности своего предположения Комиссия представила несколько писем, отысканных в делах Злобиных, и ведомость о доходах с некоторых деревень и заводов.

Содержание отысканных писем есть следующее:

Василий Злобин, отъезжая в Санкт-Петербург, писал к жене своей 15 ноября 1793 года, чтобы она в отсутствие его управляла в г. Вольске домами, садами, мельницами, дворовыми людьми и крестьянами в селе Бикляях, упомянув, между прочим, что по смерти его все капиталы и означенное движимое и недвижимое имение принадлежит ей и сыну его Константину. Потом он же Василий Злобин писал из Вольска:

1) 1800 года в апреле к сыну своему Константину, что когда получит он уведомление о производстве его в чин Секретарской, тогда все вотчины подарит ему, как единственному другу его, укрепя оные на его имя и тогда сим знатным имением обеспечит себя, а вдобавок к сему и еще стараться будет прикупить выгодные имения.

2) Того же 1800 года в октябре к Никифору Михайловичу Заварицкому, благодаря его за поздравление с произведением сына его в Губернские Секретари, изъяснял, что он на имя сего последнего все уже вотчины прежде и вновь купные укрепил и по сей части теперь совершенно покоен и доволен.

3) Того же 1800 года в Ноябре из Саратова к какому-то Александру Яковлевичу, что будучи в оном году в тамошней стороне, купил он для сына довольно хорошие деревни и выстроил преогромный винокурный завод.⁶

Представляя свой послужной список в Саратовское Дворянское Депутатское собрание для внесения своего имени в третью часть дворянской родословной книги Саратовской Губернии, Константин Васильевич Злобин указывает, какое количество крестьян он имеет в своей собственности. Так в Саратовском уезде ему принадлежит 75 душ в селе Никольском (Биклей), 51 душа в селе Михайловской (Садом), 150 душ в деревне Юрьевке, 33 души в деревне Григорьевке, 30 душ на хуторе Клещевникове. В Волгском уезде он имеет: 152 души в селе

⁶ Отдел Рукописей Российской Национальной Библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 1000. Д. 404.

Богородском (Терешка), 109 душ в сельце Дмитриевском, 215 душ в поселке Науме, 33 души в поселке Бителяк, 47 душ в поселке Павловском. В Хвалынском уезде Константину Васильевичу принадлежали 188 душ в деревне Новые Озерки. В Петровском уезде — 442 души в селе Архангельском (Вершаут). В Кузнецком уезде ему принадлежат 319 душ в селе Введенском (Воронцовка), 91 душа в селе Архангельском (Дубенское), 562 души в селе Предтеченском (Комаровка), 154 души в селе Дмитриевском (Ульяновка). Всего на 1805 год в собственности К. В. Злобина числилась 2651 душа мужского пола.⁷ По меркам того времени, это было весьма немалое состояние.

Всю свою жизнь, все надежды и радости Василий Злобин, ставший на рубеже XVIII и XIX столетий одним из богатейших людей России, полагал в сыне. Ранняя смерть Константина надорвала сердце отца. Душевные силы иссякли. Меньше чем через год в крипте недостроенной церкви во имя Благоверного князя Феодора Смоленского и чад его Давыда и Константина рядом с сыном было положено тело отца.

Стихи Константина Злобина, посвященные отцу, дышат любовью и благодарностью, стремлением отдать должные почести его благородству и доброте. Те же чувства открываются и в письмах. Константин Злобин боится обидеть отца небрежением к его заботам, старается сберечь и приумножить свою собственность, которую считает принадлежащей не столько себе, сколько отцу.

«Константин Злобин в письме к отцу своему из Вольска от 7 февраля, не видно которого года, извиняется, что не входил в распоряжение по предмету отдачи с деревень его рекрут и присовокупляет, что он и приступать к тому не имеет смелости без соизволения его, яко *приобретателя и распорядителя всего оного*, и что в рассуждении денежных выдач и себе собственно самомалейшую часть из положенных щедростию его только забрал».

Он же из Вольска от 24 августа 1807 года писал к отцу своему следующее: «Управляя столь обширными делами, чем отец почтил его, и движа массою миллионов чрез свои руки, естественным образом получил он возможность иметь от 50 до 100 тысяч рублей всегда к своим услугам, почему и купил он у Зубова деревни и винокуренный завод за 80 тысяч рублей и у Горкина 450 душ за 100 тысяч рублей».⁸

Из того же документа видно, что Василий Алексеевич, зная, что философская мечтательность его сына — не лучшее средство для получения прибыли, заботится о том, чтобы отдать записанное на его имя имение под надежный надзор.

Та же комиссия о долгах сообщает: «На ведомости о доходах с имеющихся деревень и заводов, составленной 30 января 1808 года, рукою Василия Злобина написано, что он поручает для точного и непременною исполнения все, в той ведомости изъясненное, Василию Барышникову под главным распоряжением Константина Васильевича, отчетов же и доходов будет непременно по сему назначению требовать от Василия Николаевича и он обязан ответствовать в точности».⁹

⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 22. Ед. хр. 2096. Л. 6.

⁸ ОР РНБ. Ф. 1000. Д. 404.

⁹ Там же.

Известно, что в последние годы жизни в благодарность отцу Константин Васильевич хлопотал о включении в свой герб слов «Pro virtute paterna» (За добродетель отца), но не успел выполнить этой мысли. Правительствующий Сенат в Общем Собрании 3 мая 1812 года рассматривал вопрос о представленном Герольдией гербе К. В. Злобина и передал его на Высочайшее утверждение.¹⁰ Ранняя смерть Константина Васильевича не позволила ему увидеть этого герба на своем доме в Константиногорске.

*Неизвестный художник.
Портрет К. В. Злобина.
Вольская картинная галерея.*

Самым счастливым временем жизни Константина Васильевича были четыре года его службы под началом Гаврилы Романовича Державина. Обаяние личности Державина было необыкновенным. Кажется, любого, кто знал великого поэта, неудержимо тянуло к стихотворству, и Константин Злобин не был исключением. Но, хотя в конце

XVIII столетия вирши писал едва ли не каждый помещик, стихи молодого Злобина выгодно отличаются искренностью и свежестью чувств. Несмотря на то, что стихи его, кажется, никогда не были опубликованы, они были замечены более известными современниками, и в 1812 г. их автор был принят членом-сотрудником четвертого разряда «Беседы любителей русского слова».¹¹

В 1915 году Императорская публичная библиотека (ныне Российская национальная библиотека) приобрела переплетенную тетрадку с золотыми обрезами — рукопись стихов К. В. Злобина. В рукописи 132 листа, 54 стихотворения 1803–1810 годов. Первое озаглавлено (как тут не вспомнить Ломоносова!) «Гимн Богу после первого грома весною на берегах Волгских», описывает грозу и прославляет могущество и милость Творца:

*«Коль мир и червь на нем живущий
Надеется на твой покров,
Услышь мой глас, к Тебе зовущий,
Спаси друзей, прости врагов...»*

Несколько стихотворений посвящено автором его отцу Василию Алексеевичу.

¹⁰ РГИА. Ф. 1343. Оп. 22. Ед. хр. 2096. Л. 22, 28.

¹¹ Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. М., 2000. С. 348.

В одном из них он пишет:

*«Да каждый жизни день блистает,
Как перл авроры на цветах.
И слава блеском озаряет
Тебя во всех твоих делах...»*

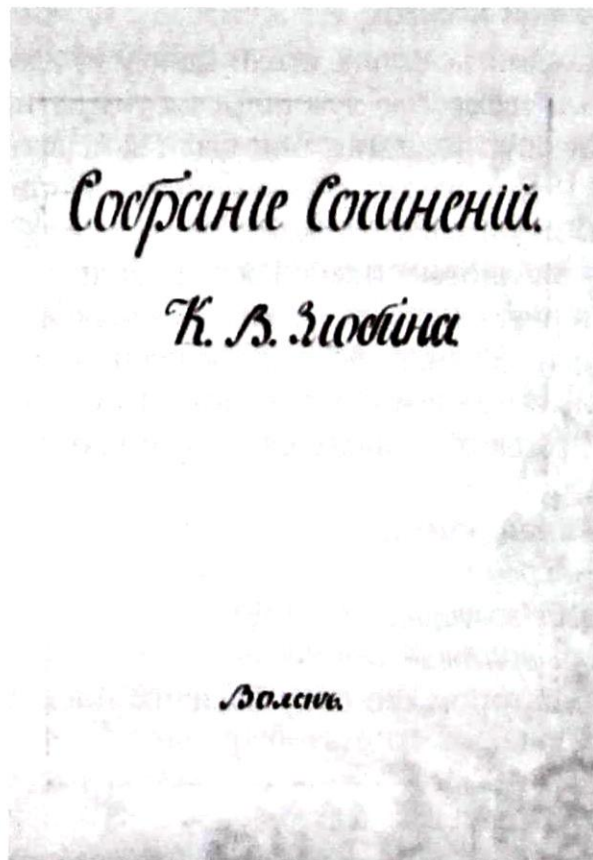
В другом стихотворении он прославляет доброту отца:

*«Блажен, кто милует убогих
И сиротам благотворит,
Того в день горестей жестоких
Господь напастей сохранит
И на земле его прославит,
И в руки не предаст врагов,
С одра болезненна восставит
В блаженну долготу годов.»*

Немало стихотворений сборника посвящено Державину. Есть посвящения друзьям: П. А. Словцову, Д. Д. Данскову, В. Н. Каразину, И. М. Матвееву.

Среди стихотворений встречаются переложения 40-го и 54-го псалмов, навеянная темами «Одиссеи» — поэма «Сирены».

Рукописный сборник стихов К. В. Злобина хранится в Российской Национальной Библиотеке в Санкт-Петербурге в фонде Г. Р. Державина. Там же находится письмо Константина Васильевича к великому русскому поэту, которым сопровождалось посланное в 1802 году стихотворение, посвященное Державину.

Титульный лист рукописного сборника стихотворений К. В. Злобина.

«Ваше Высокопревосходительство!
Милостивый Государь!...]

Благоразумнее бы было помолчать мне. Потому что я всегда лучше думаю нежели пишу и не изобретен еще язык для сердца. Но кто может против энтузиазма? Сего сладостного очарования души нашей? Сих божественных минут Гения? Где забываются труды и огорчения, где умолкают все страсти кроме тихих и благородных: чувствительности и благодарности —

И боюсь наскучить, и не могу не писать.[...]

Находясь в канцелярии вашего высокопревосходительства, смиренные музы мои не могли бы приблизиться и к двери кабинета Министра Правосудия, но в отдаленности отпуска оне осмелились облачить свое сердце. Мне бы кажется, что я бы готов был взять

и самую отставку лишь бы сметь писать стихи к вашему высокопревосходительству!

Если же нескладное мое песнословие давно наскучило вашему высокопревосходительству, то извиняет меня то, не возможно же стоять на избавленной вами земле и ничего не чувствовать? [...]

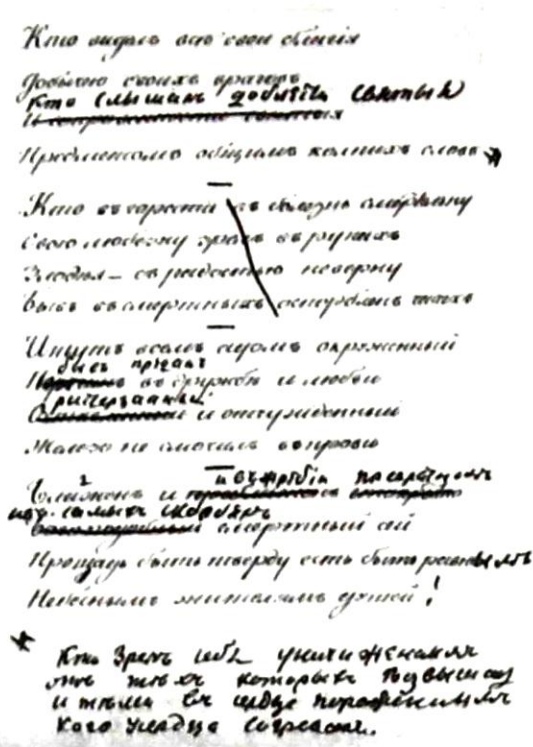
Убедительнейшим образом осмеливаюсь просить прощения у вашего высокопревосходительства в моей дерзости, припишите это сердцу доверяющему в вас всем добродетелям, а наипаче милостивому снисхождению к кипящему усердию молодости. [...]¹²

Судя по всему, министр юстиции иронически относился как к литературным, так и к коммерческим увлечениям своего подопечного. Впрочем, он искренне любил мягкосердечного Константина Васильевича, ценил его доверчивую, открытую душу. Сохранилось его послание, датированное 20 мая 1810 года, в котором он называет коммерческое поприще более соответствующим характеру Злобина.

Несколько стихотворений К. Злобина посвящены его друзьям Д. Д. Донскову¹³, И. М. Матвееву,¹⁴ П. А. Словцову,¹⁵ В. Н. Каразину,¹⁶ каждый из которых был знаменитым человеком своего времени.

¹² ОР РНБ. Ф. 247. Д. 28. Л. 90–93.

¹³ Войсковой старшина Данила Данилович Донсков (Донской, Дансков) упоминается Еланским в качестве зятя Василия Алексеевича Злобина. В системе родственных отношений зять может быть мужем дочери, мужем сестры, однако ни о дочерях, ни о сестрах В. А. Злобина никаких известий не сохранилось. Правда, М. Владимиров говорит о том, что в склепе под Федоровской церковью на Вольском кладбище вместе с Василием Алексеевичем и его сыном Константином были похоронены другие его дети Тихон и Елисавета. Д. Д. Донсков имел в Вольске большой дом, располагавшийся рядом с домом В. А. Злобина. Вероятнее всего, Данила Данилович Донсков был сыном Даниила Дмитриевича Донского (1738–1798), атамана казачьей команды в Сакмарском городке. В казачью службу вступил в 1756 г., в хорунжие был произведен в 1759, в атаманы — в 1766. В конце сентября 1773, за несколько дней до вступления войска Е. И. Пугачева в Сакмарский городок (2 октября), Донсков увел оттуда большую часть своей команды (около 150 казаков) в Оренбург для пополнения его гарнизона. Во время осады Оренбурга войском Пугачева участвовал в обороне города, устраивал вылазки, отбивал приступы повстанцев. Особо отличился он в бою 1 апреля 1774 под Сакмарским городком, где Пугачев потерпел тяжелое поражение, и остатки его войска, спасаясь от окончательного разгрома, бежали на северо-восток, за реку Белую. Отмечая заслуги Донского в подавлении

Страница книги К. В. Злобина с авторской правкой.

Конечно, не одна литература увлекала Константина Васильевича. Коммерческий интерес был ему отнюдь не чужд, и с 1808 года он становится соучастником своего отца по винным откупам, соляным и рыбным промыслам, впрочем, дела его идут неважно.

Причиной этого неуспеха был прежде всего характер Константина Васильевича. Менее всего он был склонен к методическому, последовательному ведению счетов, бесконечно запаздывал с поставками вина, задерживал расчеты,

---

Пугачевского восстания, Военная коллегия в феврале 1775 произвела его в чин армейского премьер-майора. В ноябре 1785 он был назначен атаманом Уральского казачьего войска и пожалован чином армейского подполковника. Донсков упоминается Пушкиным в «Истории Пугачева» и архивных заготовках к ней.

¹⁴ Иван Матвеевич Матвеев (Брюханов) (?–1824). Офицер. Участник Суворовских экспедиций в Альпах Владелец деревни Багай, пожалованной Императором Павлом Петровичем.

¹⁵ Петр Андреевич Словцов (1767–1843). Происходил из семьи священника Нижнеусеянского завода (ныне Верхотурского уезда Пермской губернии). Отец мог дать ему лишь первоначальное обучение, да и то не без помощи наставника школы Нижнетагильского завода. Дальнейшее образование он получает в Тобольской Духовной Семинарии, в которой он пробыл с 1779 по 1788 г. Так как в году окончания Словцовым семинарии вышел указ о присылке особенно хорошо окончивших курс семинаристов в Петербург в Главную Александро-Невскую семинарию для продолжения образования, то он, как первый ученик, был отправлен в Петербург. В числе его товарищей в семинарии были одновременно с ним поступившие М. М. Сперанский и известный в начале XIX века издатель журналов Мартынов. В 1792 г. по окончании курса в Александро-Невской семинарии Словцов, обязанный отслужить в качестве преподавателя выпустившей его семинарии, поехал в Тобольск учителем философии и красноречия. Здесь он выделился и как проповедник, так как преподаватели семинарии обязаны были произносить проповеди в храме по воскресным и праздничным дням. В проповеди, произнесенной по случаю бракосочетания великого князя Александра Павловича, Словцов позволил себе несколько легкомысленных намеков на некоторые обязанности правителей, вследствие чего слышавший эту проповедь губернатор Алябьев тотчас же послал в Петербург донесение к генерал-прокурору Самойлову. Через небольшой промежуток времени в Тобольск приехал фельдъегерь, который отвез Словцова в Петербург на суд. Допрашивали его митрополит Гавриил, генерал-прокурор Самойлов и главный политический следователь Екатерины второй тайный советник Шешковский. Словцову была поставлена в вину не только проповедь, «которая правилам не только богословия, но и философии противна и содержит в себе возмущение народа против правительства», но и сделанный Словцовым в черновиках резкий отзыв о действиях Александра Македонского. Так как Словцов признал, что его слова, сказанные в проповеди, достойны осуждения, а каких-то других улик найдено не было, его постигла сравнительно незначительная кара: его отправили в Валаамский монастырь. Затем он был назначен преподавателем Александро-Невской Семинарии по кафедре риторики, где префектом был его старый друг М. М. Сперанский. После этого Словцов был назначен экспедитором департамента в Министерстве коммерции.

Обвиненный в лихоимстве, он был выслан из Петербурга, зачислен в штат Сибирского генерал-губернатора и снова отправился в Тобольск. По дороге он получил письмо от Сперанского, наполненное мистическими утешениями и советами читать Фому Кемпийского. В 1814 г. Словцов получил поручение обозреть присутственные места Забайкальского, Нижнеудинского и частично Иркутского уездов. В 1815 г. его назначают Иркутским совестным судьей, а затем директором училищ Иркутской губернии. На этом поприще Словцов работал особенно усердно. Его стараниями было открыто 16 училищ,

накапливал долги. Компаньон Василия Алексеевича Злобина, бывший его кумом, Петр Семенович Сапожников не раз жаловался на своего крестника. Так в письме В. А. Злобину в Петербург от 18 декабря 1811 г. П. С. Сапожников сообщает: «Относительно до выдачи Константину Васильевичу на винокурение денег тридцати тысяч рублей честь имею вам донести, что я при всех тесных и тягостных для меня изворотах в согласии предприятий ваших выдал господину Константину Васильевичу до получения последнего письма вашего наличными

которые проводивший ревизию Сперанский нашел образцовыми. По высочайшему повелению Словцов инспектировал училища Томской, Тобольской, Казанской, Пермской и Вятской губерний, был назначен визитатором Казанского учебного округа с производством в статские советники. Словцов безвыездно жил до самой смерти в Тобольске, предаваясь кабинетным занятиям. Он писал проповеди, стихи и прозу. На приуральских заводах он занимался изучением минералов и составлением минералогической коллекции. В 1834 г. Словцов выпустил книгу «Прогулки вокруг Тобольска», написанную уже после отставки. Книга написана тяжелым языком, но интересна описанием быта обывателей Тобольска в первой четверти XIX века. Другое выдающееся произведение П. А. Словцова — «Историческое обозрение Сибири».

¹⁰ Каразин Василий Назарьевич. Родился 30 января 1773 г. в селе Кручике Слободско-Украинской губернии. Отец Назарий Александрович Каразин — полковник, участник войн с турками, грек или серб по происхождению. Один из предков Каразиных был софийским архиепископом в Болгарии и носил прозвище Караджич.

В. Н. Каразин первоначально получил домашнее образование, затем обучался в частных пансионах Кременчуга и Харькова. По окончании пансиона поступил учиться в Горный институт, формально состоя с одиннадцатилетнего возраста на военной службе, сначала в Кирасирском орденом полку, затем в лейб-гвардии Семеновском полку. В это время он много путешествует по России, постепенно склоняясь к мысли продолжить образование за границей. Прошение о выезде было отвергнуто императором Павлом и Каразин решил пересечь границу тайно. Однако на переправе через Неман был задержан вместе с женой и дворовым человеком. Посаженный на гауптвахту Каразин написал трогательное письмо императору Павлу с объяснением причин своего поступка. Павел был тронут искренностью письма и простил Каразина, который после аудиенции у императора был зачислен переводчиком в канцелярию государственного казначейства и директора медицинской коллегии. За труды по истории медицины и финансов получил чин коллежского асессора.

Через десять дней после восшествия на престол Александра Первого, император обнаружил на своем столе анонимную записку с программой либерального царствования. Искренний тон записки, богатство идей и проектов заинтересовали молодого Государя. Каразин был найден и получил доверие императора. Некоторые идеи Каразина получили воплощение в первые годы царствования Александра. На вопрос императора, с чего следует начать реформы в России, Каразин уверенно ответил — с образования! Им был предложен проект открытия Министерства Народного Просвещения. 8 сентября 1802 г. это министерство было учреждено. Каразин занял в нем должность Правителя дел комиссии училищ. Кроме того, Каразин предложил императору открыть университет в Харькове.

Получив одобрение, он составил проект университета и воодушевил дворян Слободско-Украинской губернии собрать средства в сумме 400 тысяч рублей на открытие университета. Однако стремительная активность Каразина и огромное число проектов, некоторые из которых были недостаточно обоснованы, вызвали охлаждение к нему со стороны Александра. Недовольство императора усилилось после получения письма от Каразина, переданного через камердинера, в котором тот сообщал о бесконечных проволочках

деньгами семнадцать тысяч пятьсот пятьдесят рублей. Более нисколько и никакой выдачи в нынешнее время произвести не могу, в чем клянусь всем, что есть свято, и никак изворотиться не могу, ибо изнурил себя до невозможности».¹⁷ 20 апреля 1812 г. П. Сапожников снова жалуется: «Стеклись и так платежи князьем Куракиным за майскую треть восемьдесят тысяч, да платежи за вино для астраханских сборов Его Высокопревосходительству Гавриле Романовичу Державину, Алексею Давыдовичу Панчулидзеву, Степану Григорьевичу Мельгунову

в открытии Харьковского университета и вновь говорил о своих обширных планах. В результате Каразин был не только отстранен от дел по Харьковскому университету, но и отставлен от государственной службы. Заложив — по его словам — последний перстень, он покинул Петербург и возвратился в родной Кручик. Весь остальной период своей жизни Каразин время от времени от забот хозяйственных и местных общественных возвращался к прежней государственной деятельности, но все его предложения и проекты неизменно отвергались. Он считался человеком опасным, его старались избегать. Большинство проектов Каразина действительно отличалось странностями. Постигшие его горькие неудачи лишили его душевного равновесия, способности к трезвому анализу положения вещей. В 1804 г. во время восстания сербов против турецкой власти Каразин, считая себя по отцу сербом, предлагал себя в качестве тайного агента русского правительства по организации этой борьбы; в результате, по его мнению, могло сложиться единое славянское царство, включающее в себя страны восточного побережья Адриатического моря, от Албании до Македонии, австрийскую Славонию и земли хорватов. На престол этого царства должен был взойти один из братьев Александра Первого. В 1805 и 1809 гг. Каразин пишет пространные письма императору, предостерегая его от участия в европейских делах, прямо предлагая отгородиться от Европы и прекратить все политические связи с ней. В ответ на это Слободско-Украинский губернатор получил указ посадить Каразина на 8 дней на гауптвахту и затем взять с него подписку не беспокоить впредь своими обращениями Его Императорское Величество. Поток писем, тем не менее, продолжался и в последующие годы. Каразин писал Александру, Николаю, некоторым министрам о вреде тайных обществ, о воссоединении униатов, о вреде военных поселений и других внутривнутриполитических проблемах. В письме от 21 апреля 1820 г. он писал императору «о странном направлении умов в России», после чего получил повеление написать более подробную объяснительную записку. Эта записка в 7 тетрадах была представлена министру внутренних дел В. П. Кочубею. В это время Александр заподозрил Каразина в подстрекательстве к возмущению солдат Преображенского полка. Каразин был заключен на полгода в Шлиссельбургскую крепость. После заключения он был выслан в Кручик с запрещением выезжать оттуда; вести переписку он мог только через посредство губернатора. Император Николай Павлович смягчил это наказание: выезд Каразину был разрешен без дозволения посещать Петербург. В Кручике деятельный Каразин посвятил себя улучшению быта крестьян и приходского духовенства, разведению лесов, правильному земледелию и рациональному ведению сельского хозяйства. Эти идеи нашли отражение в Уставе села Кручика, по которому имение Каразина жило до самой его кончины. В это время Каразин пишет множество статей, посвященных самым разным вопросам: производство консервов для русской армии, устройство заводов по выработке селитры, метеорология, электротехника, минералогия, медицина, статистика, виноделие, — все это входит в круг его интересов. Смерть постигла Каразина 4 ноября 1842 г. в Крыму, где он занимался внедрением новой технологии виноделия, позволявшей сохранять в вине аромат свежего винограда.

¹⁷ ГАО. Ф. 1. Оп. 6. Т. 1. Д. 874.

и господину Калустову за 150 тысяч ведер вина... Пришло время, что и занять не у кого. И еще доложу, что вина к отправлению в Астрахань с заводов ваших и по сие время здесь нет ни бочки, хотя господин Константин Васильевич и обнадеживал. Итак, что я буду делать без вина, не знаю?»¹⁸

Отчаянье Петра Семеновича, однако, не было вполне искренним. Он и сам был не очень надежным партнером и, как многие компаньоны старшего Злобина, который не раз страдал от своей доверчивости, был не вполне чист на руку. Например, налоги по винной торговле в Астрахани он платил не особенно добросовестно, оказываясь должным казне весьма не малые суммы, которые старался переложить на сына и отца Злобиных.

Как пишет астраханский краевед А. С. Марков¹⁹, когда огромные долги П. С. Сапожникова сделались для казны нестерпимыми, советник питейного отделения Казенной палаты Храповицкий потребовал секвестировать все имение Петра Семеновича и его сыновей, и его дочери. Храповицкий считал, что Сапожников обманывал Злобина, скрывая часть питейной выручки, иногда представлял в Казенную палату фиктивные документы.

Василий Алексеевич Злобин в это время уже не доверял полностью Сапожникову. Это видно из его письма сыну в Петербург. «Любезный мой сын и надежнейший друг Константин Васильевич! Изъяснения Ваши относительно известного старинного друга нашего (подразумевается П. Сапожников — М. В.) и несоответственных ево противу нас поступков и действий, я буду иметь в особенном моем замечании и строгом наблюдении, ибо по изъяснению вашему не сомневаюсь, чтоб честолюбие и корысть не смогли его поколебать в искренних и справедливых действиях по общим нашим делам. Сего хотя бы и не должен ожидать по моим к нему и их семейству дружеским отношениям, но время все переменить и сгладить может. Итак, чтоб пресечь все неприятности, нам грозить могущие, я по приезде моем в Вольск намерен все привести в надлежащую черту и к надежной цели, для чего будучи в Вольске нарочно выпишу его из Астрахани и лично сделаю все распоряжения к пользе нашей. Вино 46 тыс. ведер с заводов ваших, отданное Петру Семеновичу, хотя и нужно вам, любезнейший сын, было для поставок в Саратовскую губернию, но как такие же обстоятельства требовались и по Астрахани, следовательно это была не прихоть или каприз Петра Семеновича, а должное с его стороны попечение, дабы от правительства, как нам так и ему не терпеть частых покушений, с неприятностями сопряженных. А сверх того в обеспечение наше Петр Семенович вино из Вольска поставил на собственный счет и отдачу в казну произвел собственными силами и всех нас от забот и хлопот избавил... Между тем я ни малейшего вреда относительно дел наших неприятного не буду давать ему на замечание, и все по-прежнему буду продолжать мою ласковую и дружескую переписку, чего прошу и вас, любезнейший друг, соблюдать в полной мере... Петр Семенович просит меня в присылке к нему доверенности на принятие

¹⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 874. Л. 6.

¹⁹ Марков А. С. Варваций. Астрахань. 2002.

в участии Ивана Андреевича по вновь снятым у князей Куракиных рыболовных вод, но я в том ему благовидно отказал до моего приезда в Вольск».²⁰

Другая причина коммерческих неудач Константина Злобина заключалась в унаследованной от отца широкой благотворительности. Всякий обращавшийся к нему за вспомоществованием мог рассчитывать на скорое и щедрое участие в своей судьбе. Среди богоугодных дел Константина Васильевича значилось устройство больницы для бурлаков — самого бедного и бесправного сословия. На строительство этой лечебницы Константином Злобиным было пожертвовано 30 тысяч рублей ассигнациями. Эта немалая жертва была отмечена Высочайшим рескриптом императора Александра Первого от 28 июля 1808 г. За усердие в делах благотворительности 3 апреля 1808 г. К. В. Злобин был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени.²¹

Отношение к материальному богатству у Константина Васильевича было вполне философское. Это замечал и его отец, который и сам, чем более приобретал богатства, тем менее им дорожил.

Модные веяния времени не прошли мимо молодого Злобина. В Петербурге он вступает в масонскую ложу «Полярная Звезда», а вернувшись в 1808 году в Вольск, открывает училище, для воспитания провинциальных юношей в духе масонского просветительства.

Распространение масонства в России во второй половине XVIII столетия, по свидетельству одного из «главных» тогдашних масонов Н. И. Новикова, было результатом своеобразного компромисса русской совести и неудавшегося «вольтерьянства». Все без исключения русские масоны прошли через соблазн вольнодумства и «чистого афеизма». Чтение безбожных «анциклопедистов» действовало на русского человека с его чувством «всемирной отзывчивости» ошеломляюще, так что и лучшие молодые люди стремительно переходили к всецелому отрицанию прежних убеждений. Но совесть скоро заговорила в сердцах новых вольтерьянцев, которые, вчитавшись в сочинения модных философов, обнаружили такую пошлую пустоту, что уже не могли принять их учения.

Масонство давало широкую мистическую религиозность, открывало далекие, хотя и туманные, перспективы таинственных знаний и вместе с тем представляло вполне определенный нравственный кодекс, без которого русский человек чувствовал себя очень неуверенно.

Масонская религиозность казалось выше традиционной, а в нравственном учении привлекало уважение к человеческому достоинству, призыв к взаимной любви, совершенствованию, освобождению от мелочей и грязи жизни. «Находясь на распутьи между вольтерьянством и религией, — писал впоследствии один из виднейших деятелей русского масонства Н. И. Новиков, — я не имел точки опоры или краеугольного камня, на котором мог бы основать душевное спокойствие, а потому неожиданно попал в общество... Под именем истинного масонства разумели мы то, которое ведет посредством самопознания

²⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 6. Т. 1. Д. 874. Л. 35об.

²¹ РГИА. Ф. 43. Оп. 22. Ед. хр. 2096. Л. 28, 35.

и просвещения к нравственному исправлению кратчайшим путем, по стезям христианского учения...»²²

Личная совесть привела многих лучших людей России к масонству, которое представлялось самым быстрым средством для борьбы с распространяющимся злонравием, за нравственное усовершенствование общества. Большинству русских людей, не причастных к этому увлечению знати, масонство представлялось зловещей силой, направленной на разрушение государства и церкви. В их глазах масоны казались то ли чернокнижниками, то ли дьяволопоклонниками, и уж во всяком случае очень опасными людьми. Пушкин с иронией говорит о том, что приехавший в деревню с привычками столичного денди Онегин воспринимался соседями как опаснейший «фармазон» (то есть франкмасон), который «пьет одно стаканом красное вино и дамам к ручке не подходит». Г. Р. Державин, не входивший в ложу, но близкий к многим масонам своего времени, пишет в своих воспоминаниях: «...но как дошло сие до тетки его по матери двоюродной, Феклы Савишны Блудовой, жившей тогда в Москве,... женщины по природе умной и благочестивой, но по тогдашнему веку непросвещенной, считающей появившихся тогда в Москве масонов отступниками от веры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которых разглашали невероятные басни, что они за несколько тысяч верст неприятелей своих умерщвляют и тому подобные бредни, а Шувалова признавали за их главного начальника; то она ему, как племяннику своему, порученному от матери, и дала страшную нагонку, запрета накрепко ходить к Шувалову, под угрозой написать матери, буде ее не послушает...»²³

П. Н. Милюков метко назвал русское масонство «толстовством» XVIII века. И нет никакого сомнения в том, что масонство Константина Злобина было именно таким утопическим мечтанием о пользе и благоденствии своего народа. Получив дворянское достоинство, он скупил до 5 тыс. душ крестьян и построил в Вольске вверх по Волге дом с винокуренными заводами и магазинами и назвал все это своим именем Константиногорск. По свидетельству современников, расположенный на волжском берегу наш маленький Константинополь, занимавший территорию в 7200 квадратных саженей, застроенный домами излюбленной Василием Злобиным классической архитектуры, был дивно красивым имением, которое Константин Злобин всерьез хотел превратить в новый город. Сейчас уже трудно установить, где в точности находился Константиногорск. Как сообщает биограф старшего Злобина протоиерей В. Г. Еланский: «Константиногорск находился выше Волгска, там, где впоследствии находился завод Гильдебрандта (нынешний «Металлист») и завод Вормса (нынешний пивзавод)».²⁴

²² Пыпин А. Н. Русское масонство XVIII и первой четверти XIX века. Петроград, 1916. С. 195.

²³ Державин Г. Р. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1871. Т. 6. С. 437–438.

²⁴ Еланский В. Г. Г. Вольск и его уезд. Рукопись. Вольский краеведческий музей. ОФДП. 928/606.

Вольские планы Злобина были выдержаны вполне в духе сентиментальных масонских идей всеобщего культурного и нравственного просвещения. В 1811 году он открывает частное училище «Пропилей», которому не суждено было стать Волгским лицеем единственно из-за дикости места, где он был расположен.²⁵ Набрать учащихся было практически невозможно, добиться просвещенных преподавателей и того трудней. Директором «Пропилея» стал француз-эмигрант Болье, живший до того в семье коломенского купца Ивана Лажечникова и занимавшегося воспитанием будущего автора исторических романов.²⁶ Для «Пропилея» на полуторатысячное годовое жалованье был выписан изгнанный уже из Петербургской Духовной Академии знаменитый Фесслер, согласившийся выбрать местом ссылки — уездный Волгск.²⁷

Игнатий Аурелиус Фесслер был родом из Венгрии. В 18-летнем возрасте стал монахом-капуцином, однако в зрелом возрасте оставил монашеские обеты, женился и перешел в лютеранскую веру. В 1796 году, проживая во Львове, где занимал кафедру восточных языков и ветхозаветной герменевтики в университете, Фесслер вступил в масонскую ложу и быстро сделался едва ли не главным масоном в Австрии и Германии. Его считают реформатором немецкого масонства на более рационалистических и критических основаниях. Туманной каббалистической и алхимической мистике розенкрейцеров Фесслер противопоставил наукообразную рациональную логику. В отличие от «Умиряющего Сфинкса» — ложи, давно известной в великосветском Петербурге, в «Полярной Звезде» — «сциентистской» ложе Фесслера отрицали божественное достоинство Иисуса Христа, считая его только «великим представителем человечества». В 1807 г. профессор Фесслер был приглашен зятем молодого Злобина М. М. Сперанским во вновь открытую Санкт-Петербургскую Духовную Академию преподавать древнееврейский язык. Его влияние на жизнь Духовной Академии было огромным, так как Сперанский препоручил своему сотоварищу по масонской ложе и кафедре философии. Преподавание Фесслера в Академии было, однако, недолгим. Вскоре открылся его социанский образ мыслей, попросту, замаскированный атеизм, и в 1810 году он был вынужден покинуть стены академии, а вместе с ними и Петербург. Один из самых влиятельных петербургских масонов А. Ф. Лабзин в письме Д. П. Руничу отмечал: «...Фесслер между тем разчухан и монахами, и ему от профессуры в Академии отказали. Сперанский взял его под свое покровительство, определил его к себе в Комиссию составления законов и вместе директором училища в Вольске, заведенного сыном Злобина... За сие Фесслер в отплату, удовлетворяя любопытству Сперанского, Магницкого и Злобина, составил с ними тайную ложу или капитул, которому хочет подвергнуть учреждение и правление лож в России и которого главою быть представляет Сперанскому».²⁸

²⁵ Леопольдов А. Ф. Биография волгского именитого гражданина Василия Алексеевича Злобина. Саратов, 1871. С. 37.

²⁶ Там же.

²⁷ Еланский В. Г. Вольский именитый гражданин Василий Алексеевич Злобин (Ко дню столетия его посмертного юбилея). Вольск, 1914. С. 36.

²⁸ ОР РНБ. Ф. 656. № 24. Л. 201.

М. Л. Магницкий в доносе императору Николаю I, написанному в 1831 г., утверждает, что в ложе «Полярная звезда», учрежденной Фесслером в саду Комиссии Законов, кроме него самого, участвовали Сперанский, Злобин, Пезаровиус, Дерябин, Гогеншильд, Розенкамф и другие лица. Он недвусмысленно говорит об атеизме Фесслера, который, по его словам, «называл Спасителя сыном Ессеянина, обманывающего народ для утверждения своего учения».²⁹

Сперанский и Фесслер задумали основать новую «Директориальную» ложу, которая должна была стать центром целой сети провинциальных лож, допуск в которые открывался представителям всех сословий. Государственный человек, М. М. Сперанский ценил в масонстве моральную и религиозную связь, которая делает людей более законопослушными и подготавливает к административной работе. Таинственная мистическая символика лож, существовавших прежде, представлялась излишней и даже вредной, главными были идеи просвещения и государственности.

Член ложи «Полярная звезда» Ф. М. Гауеншильд вспоминал: «Предполагалось основать масонскую ложу с филиальными отделениями по всей Российской Империи, в которую были бы обязаны поступать наиболее способные из духовных лиц всех сословий. Духовные братья были бы обязаны писать статьи по известным гуманным вопросам, говорить проповеди и тд., каковые бумаги должны были затем препровождаться в главную ложу на рассмотрение первого мастера... по предложению которого достойнейшие должны были получать повышение в союзе масонских лож и в государстве...».³⁰

Великая ложа Сперанского открылась в июне 1810 года с ведома императора Александра Первого. В сентябре государь повелел рассмотреть уставы всех масонских систем и для доработки плана Сперанского—Фесслера организовать комитет в составе министра просвещения А. К. Разумовского, министра полиции А. Д. Балашева и самого М. М. Сперанского.

Масонское братство связывало М. М. Сперанского и К. Злобина куда крепче, чем родственные узы. «Любезный Друг! — пишет Сперанский Константину Злобину. — Душа моя привыкла изливать все свои чувства в твою. Ты был свидетелем моих слабостей. Твое проницательное око зрело исходы моего сердца. Не редко оно разговаривало с твоим. Оно рассказывало тебе свои суждения и в сем одном находило уже довольно отрады...» Из этого же письма можно видеть, насколько высоко ценил Сперанский своего конфиденанта, как тосковал, не имея возможности постоянно изливать ему свою душу. «...Счастье! вещь очень нежная. Я его дознал. Оно не любит испытания. Лишь только разум прикоснется к нему волшебною своею тростию: оно исчезает. Берегись, Любезный Друг, спрашивать себя: счастлив ли ты? Но более берегись спрашивать: почему? Есть ли бы можно было изобразить счастье: я б написал Его в виде прекрасной женщины имеющей воздушное тело. Малейшее сотрясение произведенное пытливым умом разносит Его и оставляет один только безобразный состав костей. Они связаны крепко, но то,

²⁹ «Русская Старина». 1889. № 2. С. 580.

³⁰ «М. М. Сперанский по Гауеншильду» // Русская старина. 1902. С. 253.

что они имели привлекательного, распустилось в атмосфере... Говори. Уже почти год прошел как перо твое тупо для меня, возьми его, наставляй меня пиши ко мне, открой же столь долго затворенный проход, коим умы наши и сердца некогда сообщались...»³¹ Сперанский ничуть не ошибся в столь высокой оценке своего родственника и друга. Когда влиятельный государственный деятель — товарищ министра юстиции, член комиссии по составлению законов, государственный секретарь потерял поддержку Императора Александра Первого — был отстранен от всех должностей, отправлен в ссылку в Нижний Новгород и затем в Пермь, Константин Васильевич Злобин был одним из немногих друзей Сперанского, кто не отвернулся от впавшего в немилость вельможи, поддерживал его морально и посылал немалое денежное вспомоществование.

«Пропилей» Константина Злобина был открыт как один из возможных филиалов новой Великой ложи.

Заметим, что Михаил Михайлович Сперанский, пользовавшийся денежными услугами Константина Злобина, не поспешил на помощь его малолетним детям, оставшимся после смерти отца почти без всяких средств к существованию. У Константина Константиновича Злобина на всю жизнь сохранилось неприязненное отношение к этому родственнику отца. Как сообщает работавший под началом К. К. Злобина в Государственном Архиве академик П. П. Пекарский, «он лично ненавидел Сперанского по каким-то отношениям его к отцу своему, и поэтому бумаги о Сперанском, не имеющие никакого уголовного характера, он с особенным злорадством положил в разряд дел о государственных преступниках и торжественно доложил о том мне».³²

После смерти отца и сына Злобиных Фесслер какое-то время живет в гернгутерской колонии в Сарепте, но его изрядно приправленное масонством универсальное христианство приводит моравских братьев в негодование. Фесслер переселяется в Саратов и в 1822 году, после того, как Александр Первый позволяет открыть в Саратове лютеранскую консисторию, становится епископом. Лютеранская консистория стала оплотом саратовского масонства. Шесть из семи ее чиновников были членами Фесслеровой ложи. Первоначально Фесслер и его собратья развернули деятельность среди немецких колонистов. В 120 школах и училищах для детей колонистов, при которых были открыты лютеранские храмы, имели самое широкое хождение «Катехизис» и «Энциклопедия» Фесслера. Постепенно в ложу привлекались русские офицеры, многие из которых были связаны с будущими декабристами. В 1826 или 1828 году Фесслер покидает Саратов, чтобы урегулировать статус лютеран в России, что удается сделать в 1832 году.

«Пропилей» плохо приживался на волгской почве. Тем не менее, в нем начинали учиться известные в будущем государственные деятели России.

³¹ ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1875. 2 л.

³² Пекарский П. П. Воспоминания П. П. Пекарского об его службе в Государственном архиве / Сообщ. И. А. Бычков // Летопись занятий постоянной историко-археологической комиссии за 1926 г. 1927. Вып. 1. С. 271–272.

Среди них — известный литератор Петр Геце, обучавшийся после «Пропилей» в Дерптском университете, видный деятель министерства государственных имуществ, закончивший после волгского пансиона Главный Педагогический институт в Петербурге. Известный саратовский протонерей Н. Г. Скопин, немало натерпевшийся от архиереев, не желая того же для своего сына Петра, будущего Ставропольского и Минского вице-губернатора, отдал его в волгское училище. Здесь же обучались воспитанники Пензенской духовной семинарии Крюков, Полянский, Ершов и Тангинский, трое из которых стали впоследствии священниками.³³ «Пропилей» вскоре приходится закрыть из-за недостатка средств и из-за подозрительности к ссыльному Фесслеру. Эта неудача стала едва ли не последним разочарованием молодого Злобина. Разорение отца усугубило меланхолию, оказавшуюся губительной. 13 августа 1813 года тридцатидвухлетний Константин Васильевич скончался в своем Константиногорске.³⁴ Саратовский протопоп Николай Скопин отмечает в своем дневнике: «...другая неприятность получена, что умер Константин Васильевич Злобин в Вольске, человек доброй и умной. Был воспитан отцом с великим рачением. Только иногда бывал вольнодумен. Подражая отцу, выдавал себя старообрядцем, но сам держался вольтеровых правил. Все сие, приметно, ему напоследок наскучило. Разстроенные дела приводили в частое огорчение, совесть, может быть, беспокоила за многое, и он при великом богатстве в жизни имел удовольствия мало... Заболел горячкою от подгулу на мельнице и в 9-й день кончил жизнь свою. Исповедывался пред смертию от священника православного. Истинно ли, Бог ведает. Только часто и без исповеди слышал я от него желание стать христианином добрым и раскаяться. Но проклятые долги и по откупам запутанности (ибо отец его, Злобин, был откупщик винной) его тяготили и держали в страшной рассеянности. За деньгами, для заплаты долгов, метался он как умоизступленной, крушился внутренно как муж. Был коллежской советник и кавалер св. Анны 2-го и Владимира 4-го классов. Добра он делал очень много ближним. Завел было пансион и содержал в оном более двадцати человек детей на своем коште, но пред смертию, по разстройству его состояния, оный упразднил. Великие долги последовали от неудачных дел и от неосторожной траты денег. Вечная ему память! Осталась после него жена и 3-е детей, да, может быть, не один миллион долгу».³⁵ В дневнике отец Николай Скопин пишет, что К. Злобин во время своей жизни в Вольске «выдавал себя старообрядцем». Астраханский краевед А. С. Марков на основании этого свидетельства делает интересное наблюдение. По его мнению, один из портретов начала XIX столетия, хранящийся в фондах Вольской картинной галереи под условным названием «Портрет начетчика», может быть изображением Константина Васильевича в период его увлечения старообрядчеством (см. цветную вклейку).

³³ Леопольдов А. Ф. Биография волгского именитого гражданина Василия Алексеевича Злобина. Саратов. 1871. С. 26–27.

³⁴ РГИА. Ф. 1343, Оп. 22. Ед. хр. 2096. Л. 22, 33.

³⁵ Дневник Скопина // Саратовский исторический сборник. Т. 1. Саратов, 1891.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	
	3
ОТ МАЛЫКОВКИ К ВОЛЬСКУ. ИСТОРИЯ ВАСИЛИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ЗЛОБИНА	
	5
<i>ПРИЛОЖЕНИЕ.</i> ПИСЬМО В. А. ЗЛОБИНА ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I	
	31
НАШ МАЛЕНЬКИЙ КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ИСТОРИЯ КОНСТАНТИНА ЗЛОБИНА	
	32
<i>ПРИЛОЖЕНИЕ.</i> ДЕРЖАВИН Г. Р. К МОЛОДОМУ ЗЛОБИНУ	
	52
ТРЕТИЙ ЗЛОБИН	
	54
О РАЗБОЙНИКЕ САПОЖКЕ, ПОДПОРУЧИКЕ ДЕРЖАВИНЕ И ПРОНЫРЛИВЫХ ЖИТЕЛЯХ СЕЛЬЦА МАЛЫКОВКИ	
	62
<i>ПРИЛОЖЕНИЕ.</i> ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ Е. И. ПУГАЧЕВА НА ДОПРОСЕ В УПРАВИТЕЛЬСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ МАЛЫКОВСКОЙ ДВОРЦОВОЙ ВОЛОСТИ 18 ДЕКАБРЯ 1772 г.	
	88
ПЕТР САПОЖНИКОВ. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ	
	90
ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ. АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ САПОЖНИКОВ	
	103
АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ САПОЖНИКОВ. ИСТОРИЯ КОЛЛЕКЦИИ	
	113
<i>ПРИЛОЖЕНИЕ.</i> РЕЕСТР КАРТИНАМ ГОСПОДИНА АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА САПОЖНИКОВА	
	122
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ САПОЖНИКОВ	
	126
САПОЖНИКОВЫ И БЕНУА	
	143
ЛЕВ РАСТОРГУЕВ И ДРУГИЕ	
	160
ИСТОРИЯ ВОЛЬСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ	
	167
<i>ПРИЛОЖЕНИЕ.</i> ОПИСЬ ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ И ЕЕ ИМУЩЕСТВА 1919 года	
	216
СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ХРАМЫ ВОЛЬСКА	
	225
ВОЛЬСКИЙ ВЛАДИМИРСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ	
	246
<i>ПРИЛОЖЕНИЕ.</i> СПИСКИ ПОСЛЕДНИХ НАСЕЛЬНИЦ ВОЛЬСКОГО ВЛАДИМИРСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ	
	258
<i>ПРИЛОЖЕНИЕ.</i> СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ КОНСТАНТИНА ВАСИЛЬЕВИЧА ЗЛОБИНА	
	266

Священник
Михаил Воробьев

**ХВОЛЬСКИЕ
РАДМЫ
И ИХ СТРОИТЕЛИ**

Научное издание

Графика, верстка *В. В. Теплов*
Корректор *Н. М. Боровицкая*

Л

Полиграфическая компания
«Эль-Принт» (г. Саратов)

ИП Яковлев А. А.

Тел.: (8452) 29-71-13, 65-26-77.

E-mail: text@renet.ru, a590061@mail.ru

Подписано в печать 29.05.08. Формат 60 x 90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура GaramondNarrowC. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19,5. Тираж 3000 экз. Заказ 256.

Вольскъ.

Караванная

